

INTERVIEW BOOK

TEENERGIZER!

5 Слова автора

6 Яцек Тышко

Директор Объединённой программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЕЙДС) в Украине.

16 Ольга Руднева

Исполнительный директор Фонда Елены Пинчук «АНТИСПИД».

28 Юкие Мокуо

Несколько лет возглавляла Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) в Украине.

36 Игорь Калинаускас

К своим 70 годам Игорь состоялся как театральный режиссёр, певец и композитор, писатель, психолог, художник.

42 Маша Куликовская

Художница, архитектор и активистка.

52 Инга Шляева

Кантри менеджер Janssen, Глава представительства компании Johnson & Johnson в Украине.

60 Михаил Родионов

«Скопилось много сумасшедшей всякой ерунды» — интервью с Михаилом Родионовым.

64 Василий Попадюк

Скрипач-виртуоз Василий Попадюк и его Papa Duke Band ежегодно играют более 150 концертов по всему миру.

72 Ндаба Мандела

«Если у вас ВИЧ/СПИД — это ещё не конец света» — интервью Ндабы Манделы».

80 Василь Кулевчук

«Я проти підлаштування. Займайтеся тим, чим хочете» — інтерв'ю Василя Кулевчука.

90 Дмитрий Шуров

История музыканта Дмитрия Шурова о развитии искусства в Украине, творческих кризисах и многом другом.

94 Анна Куценко

Історія людини, яка вірить у те, що ми самі будемо своє життя, і часом потрібен лише невеликий поштовх.

*С благодарностью
Владе Фоминой
Наде Дубчак и
Ангелине Сардарян*

Меня всегда интересовали люди, их мысли, поступки и особенно то, что не увидишь во время первого знакомства. Первое мнение о человеке часто оказывается далеким от реальности, а мне хочется узнать больше, потому что знаю: в каждом прячется что-то интересное, душевное и глубокое. Один раз со мною приключилась история. Я познакомилась с человеком, который вообще не впечатлил меня. Я увидела только скучную работу и обычную жизнь. Но когда мы пообщались больше, я узнала, насколько у него интересные хобби и взгляды, поняла, что этот человек чертовски крут. И хотя ему не так мало лет, он готов открывать для себя непонятное и совершенно новое, двигается дальше и не теряет себя за бытовухой. Именно таких людей я считаю по-настоящему живыми. После этого случая я начала наблюдать за своей реакцией и мыслях при первых знакомствах: в основном они были ошибочные.

Так ко мне пришла безумная идея создать эту книгу. У нас с друзьями не было никакого опыта в журналистике, но было желание и виденье. Мы решили создать интервью с разными людьми из совсем разных сфер деятельности. Помимо каких-то статусов или должностей, мне хотелось показать совсем иную сторону их личностей, объяснить их выбор профессии. Это книга о простых людях, которые остаются по-настоящему живыми.

Яна Панфилова
Основатель молодёжного движения *Teenergizer*

Яцек Тышко

Директор Объединённой программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЕЙДС) в Украине.

Пан Яцек Тышко с марта 2013 года – директор Объединённой программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЕЙДС) в Украине. Работа в ООН требует больших усилий и огромной ответственности. Но в этой статье не будет углублений в эпидемиологию, статистику или стратегические планы. Здесь рассказ о человеке, который полюбил Украину, её людей. У него даже фамилия созвучная с украинской – Тышко.

 По национальности и паспорту я поляк, но поляк — мультинациональный, — говорит о себе с улыбкой пан Яцек Тышко. — Изучив историю своего рода, я выяснил, что там такая смесь разных народов: мы и белорусы, и крымские татары, и немцы. Мои дети вообще выросли в Швейцарии, и считают себя швейцарцами.

В ЮНОШЕСТВЕ МЕЧТАЛ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ МИРА

Свой рассказ пан Яцек Тышко начал о юношестве. Возраст с 15 до 21 года он называет лучшим периодом в своей жизни, когда он радовался каждому дню, имел много друзей и его очень любили родители.

— В то время политическая ситуация была сложной: Советский Союз оказывал сильное давление на Польшу, и каждый из нас, включая мою глубоко верующую семью, на себе испытывал это давление. Но всё-таки это было счастливое время, — возвращается мыслями в юношеские годы пан Яцек. — 17 лет — это возраст, когда тыходишь в настоящую жизнь, когда начинаешь о чём-то мечтать, появляется ответственность, но все еще не хочешь покидать прекрасное детство со всей его дружбой, игрой, забавой. У меня уже были планы на будущее, но в советское

время из Польши никто и куда не выезжал. Другой мир и другие страны были тайной. Я попал пару раз в ГДР, Советскую Беларусь, Литву, и это уже было «О-о-о, вот я весь мир увидел!». Но все-таки подсознательно понимал, что мир намного-намного больше. **Я думаю, что как раз в то время у меня и возникла потребность сделать какой-то серьёзный шаг и в будущем быть человеком мира, а не одной страны. Потом, уже через годы учебы и работы, у меня это получилось на самом деле.**

Мечту юности пану Яцеку Тышко удалось успешно выполнить. Хотя и не так, как он это видел мальчишкой, а по «более правильному» пути. Сначала была школа, потом два года изучения экономики в польском университете, позже учеба в Москве.

— Когда мне посоветовали учиться в Москве, я не совсем хорошо понимал, куда еду.

Оказалось, что школа политики в Институте международных отношений очень серьёзная. Сокурсники удивлялись, когда узнавали, что я — простой парень, из семьи, которая никак не связана с политикой, военной или государственной службой.

Первый курс учебы был очень тяжёлым. На протяжении года половину людей отсеяли, чтобы оставить самых лучших. Яцеку удалось успешно сдать все экзамены, кроме истории КПСС. Ему сложно было соглашаться с коммунистической идеологией. Советский историк, который преподавал этот предмет, говорил, что польский пан мало что может понимать в коммунизме.

— Вот он мне и поставил «трояк», и этот «трояк» был моей самой плохой отметкой за всю учёбу, — продолжает свой рассказ директор ЮНЭЙДС. — Последующие годы учебы были не легче, интересно стало, когда началась

специализация. Я решил, что самые интересные для меня страны — это США и Западная Европа, поэтому специализировался на этих направлениях, учил английский, испанский, потом немецкий, хотел ещё французский, но этот язык оказался для меня сложным. Русским овладел автоматически, поскольку пришлось жить в Москве.

После четвертого курса Тышко поехал на каникулы в Польшу, и на собеседовании в польском МИДе ему предложили дипломную практику в одном из посольств при условии, что в дальнейшем он будет работать именно в МИДе.

— Я понимал, что это замечательная возможность и у меня будет время понять, нравится ли мне эта работа или нет. А ещё всё оплачивают, жилье предоставляют, ну и возможность просто пожить в новой, интересной стране тоже привлекала. Рассказал о своём желании работать в Западной Европе или США, и буквально через полторы недели мне позвонили и спросили, соглашусь ли я поехать в Вену. Написал письмо в институт, где объяснил, что так и так, пропущу начало пятого курса, меня забирает МИД. Я тогда очень сильно рисковал, потому что могли отчислить. Но всё, к счастью, обошлось.

⚡ ОТ РАБОТЫ НЕ ОТКАЗЫВАЛСЯ: ЧЕМ БОЛЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ

После Вены пан Яцек вернулся в Москву, чтобы закончить учёбу, защитился по теме, связанной с системными характеристиками телевидения США, и без перерыва на каникулы приступил к работе в польском МИДе. **Хотя работу пришлось начинать с рутины в отделе кадров, он уже знал, что хочет в Департамент ООН. Так и произошло. Через полгода его определили в социально-экономическое отделение Департамента ООН.**

— Это было очень престижно, мне повезло! Там сидели такие старики, как я сейчас, — между мной и самым молодым работникам было лет 20 разницы, — улыбается пан Тышко. — Старшие коллеги были счастливы, что есть молодой человек, на которого можно сбросить некоторые свои обязанности: «А-а, это легко ты, Яцек, сделашь». И я ни от чего не отказывался, просто хотел учиться и понимал, что чем больше работы, тем лучше. И, конечно, время от времени появлялось что-то интересное. Я пытался все держать под контролем, и когда возникала какая-то непредвиденная ситуация, все сразу бросались меня искать: «Яцек, где Яцек?!».

Платили в то время очень мало. Первой зарплаты в МИДе молодому специалисту не хватило даже на оплату электричества в квартире.

Цены росли. На смену коммунистам пришли демократы и рыночные отношения, но до того, как эта рыночная экономика приобрела человеческое лицо, несколько лет люди жили очень плохо.

— Было то же, что и здесь, в Украине. Чтобы поддержать молодого специалиста, мой директор направил меня на стажировку в Женеву. И это, наверное, Бог так решил, потому что работа в Женеве была самым лучшим, что могло со мной произойти. Большинство организаций, которыми я занимался, находились именно там. Это и Всемирная организация здоровья, это и Международная организация труда, это и Мировая организация интеллектуальной собственности, это и Всемирная метеорологическая организация, о которой

я почти ничего не знал в то время. Думал, что там работают те замечательные девушки, которые читают прогноз погоды на телевидении. Но оказалось, что это организация, которая занимается какими-то просто космическими технологиями. Я был в восторге от того, какая меня ждет интересная работа.

Пан Яцек Тышко помнит до сих пор переговоры по дополнительному протоколу Конвенции о правах ребёнка, где в зале сидели авторы самой Конвенции, люди не моложе шестидесяти. И вот в кругу тридцати человек такого возраста сидит парень, которому на то время было чуть больше двадцати.

— По инструкции, которая пришла из Варшавы, я выступил с предложением внести некоторые важные изменения. К этому предложению прислушались. Когда переговоры завершились и комиссия по правам человека приняла протокол, моя фамилия стояла среди фамилий выдающихся экспертов, профессоров и слов. Конечно же, я очень гордился этим.

Потом были и поездки в разные страны, и учёба по линии Центра ООН по правам человека, и работа в польском представительстве при ООН в Женеве.

— Женеве — спокойный город, похожий на парк. А профессионально было очень ин-

тересно, поскольку в парке тихо, а в здании Совета по правам человека бушуют страсти. Профессионально было суперинтересно, для семьи с маленьким ребенком тоже замечательно, но пришло то время, когда надо было возвращаться в Польшу.

Есть такая традиция, что когда дипломат уезжает, то организовывается одна формальная вечеринка для всех, кого он считает для себя важным, а потом ещё одна — для самых близких. Так вот на формальную вечеринку к пану Тышко пришло больше 300 людей. Еле-еле их поместили. Именно на одной из прощальных вечеринок к нему подошёл человек и сказал: «Нам сейчас очень нужен такой профессионал, как ты. Не подумал бы ты о переходе на работу к нам?»

— Я никак такого не ожидал, потому попросил позвонить в понедельник. А в понедельник утром, поскольку уже не работал и собирался уезжать, прихожу в офис где-то к 10.30. и секретарша сразу: «Яцюшу, Яцюшу, у тебя телефон просто разрываются! Из ЮНЭЙДС уже 6 раз звонили! Их исполнительный директор хочет тебя видеть сегодня». Звоню на телефон, который оставили, и мне отвечают: «О-о, Яцек! Великолепно! А ты можешь через полчаса быть, потому что наш исполнительный директор сегодня улетает, а он очень хотел бы с тобой поговорить».

Я спрашиваю: «О чем?». «Ну, ты же согласился работать у нас!», — мне говорят. Вот так я попал в ЮНЭЙДС. Это был случай.

Чтобы лучше понять вопросы, касающиеся эпидемии ВИЧ-инфекции, Яцека Тышко направили в Африканское отделение ЮНЕЙДС. Там он проработал два года, участвуя в разработке межрегиональных стратегий.

— После двух лет, когда в организации начались большие структурные изменения, господин Питер Пиот (он в то время был исполни-

тельным директором ЮНЕЙДС) говорит мне: «Яцек, нам нужен умный человек для работы в Программном координационном комитете». Программный координационный комитет — это высший руководящий орган ЮНЕЙДС, который состоит из представителей правительств, коспонсоров ЮНЕЙДС — организаций системы ООН, а также неправительственных организаций. Именно тогда мой дипломатический опыт очень понадобился. Мне было намного легче идти к другим организациям и дипломатам в Женеве, многих из которых я знал лично, и налаживать с ними контакт, чтобы создавать эту нашу руководящую структуру. Это был очень интересный период, который длился почти 7 лет. Но в какой-то момент я понял, что уже не развиваюсь и нужно делать следующий шаг.

⚡ УКРАИНА — ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

Следующим шагом должна была стать работа в какой-то другой стране. И это было назначение в Украину.

— В марте 2013 года я сам на машине приехал в Украину. И попал как раз в тот день, когда был сильный снегопад. Двухметровый снег в марте! Выезжаю из Женевы и вижу, что вокруг снежная буря. В Польше остановился на ночь. Снегопад не прекращался. Утром сел в машину, еду и вижу, что чем ближе к Украине, тем больше снега.

До границы всё было нормально, а через 300 метров — всё, дороги нет! Добрые люди посоветовали дожидаться, когда через границу пустят фуры. И, на самом деле, так и было.

— Ещё повезло, что в фуре сидел польский водитель, с которым я сразу договорился: будем ехать максимально быстро. Ну, и я еду за ним. Конечно, он ехал солидно, даже до 80 километров в час.

Это мне нравилось. Прошло четыре часа, он останавливается и говорит, что слышал по радию, что за нами ещё три грузовика едут. Вот я между этими машинами так и доехал до Бородянки, а там уже дорога стала более или менее нормальной, даже асфальт появился. Приезжаю в город, добираюсь по адресу. А там снег везде. Я тогда подумал: «Боже, куда я приехал?! Почему я хотел в этот Киев? Зачем?», — делится своими первыми впечатлениями об Украине пан Тышко. — Еду по улице и вижу, что машины, заметённые снегом, брошены просто посередине дороги. Мне говорят, что да, есть сложности с движением, но это был просто хаос: приходилось как-то объезжать эти брошенные через каждые 50 метров машины. Вот такое было интересное начало. Интересно ещё въезжал в гараж. Я подождал, пока пришли люди и открыли мне этот гараж, но въезжать в него надо было по обледенелой горке, а я не мог. И они меня туда просто внесли. И я подумал, что если меня вместе с машиной внесли, значит — люди здесь хорошие и всё будет нормально. На следующий день приехал Гриша, наш водитель, отвёз меня на работу, и я уже начал немного по-другому смотреть на этот город. Жаль, что из-за стресса забыл всё это снимать, чтобы потом показывать. Только через три дня фотографировал из своего окна, но снимки уже были не настолько эффектными, какими могли бы быть в начале.

Сейчас счастлив, что я в Киеве. Люди оказались великолепными, они открыты, помогают друг другу. Мы, поляки, и вы, украинцы, очень близки ментально, и поэтому Украина для меня — лёгкое место работы с точки зрения отношений с людьми. А с точки зрения отношений с бюрократией, с процедурами, с системой — это намного сложнее. Но на нашем маленьком участке работы мы — борцы, мы ведём борьбу, и конкретные успехи есть. Никогда не жалел, что приехал в Киев, даже когда во время Революции достоинства мне пришлось вывезить семью, и мы не знали, что произойдёт дальше,

мне и в голову не приходило, чтобы покинуть свою работу и уехать. Наоборот, я уже начинаю думать, как бы так сделать, чтобы моё пребывание в Украине продлило, хотя в теории ещё два года остались. Это всё-таки был правильный выбор.

⚡ ПЕРВАЯ РАБОТА — НА СТРОЙКЕ

Как рассказал пан Тышко, первую зарплату он получил в 14 лет, когда учился в первом классе лицея. Начались каникулы и его брат предло-

жил поехать на каяках в поход. Река, группа друзей, рюкзаки, палатки... Нужно было оплатить аренду каяков и места ночлега. Ребята посчитали, столько нужно денег, но родители сказали, что если сыновья отказываются ехать на отдых с ними, то они им не дадут ни копейки. И ребята нашли работу на стройке.

— Я носил кирпичи, мешал бетон — вот такая работа. Однако мы хорошо зарабатывали. Я уже не помню, но, как рассказывала мама, первый раз в жизни такое было: мы с братом приходили домой, говорили только «да» и «нет», что-то ели и сразу в кровать. А в шесть утра уже вставали. Мама, конечно, волновалась, но в целом родители были довольны, ведь мы узнали, что такое настоящая жизнь и что такое работа. Мы очень уставали, но когда начался сплав — энергии было полно. Мы переносили лодки на 300–400 метров, когда было нужно (смеётся). Вот, первую работу я навсегда запомнил. Знаете, деньги, которые сам заработаешь, — очень ценные!

⚡ НРАВЯТСЯ КНИГИ С ИДЕЕЙ ГУМАНИЗМА

Пан Яцек Тышко знает много книг, которые он советовал бы прочитать молодёжи. Например, его сын в этом году в школе читал «Над пропастью во ржи» Сэлинджера.

— Знаете, когда я её читал, то видел себя семнадцатилетнего, видел те глупости и те умные шаги, которые делал. Стоит её прочитать и вернуться к ней, когда вам будет за 40 или даже за 50. Благодаря этой книжке я для себя очень многое понял. А в последнее время читаю фантастику русского журналиста Дмитрия Глуховского. Сначала была его первая книга «Метро 2033», а потом появилось целая серия книг с такой же идеей абсолютно разных писателей со всего мира: испанцев, итальянцев, поляков, украинец один тоже написал книжку.

Называется «Метро-2033-Универсум». Книги, конечно, между собой не связаны, но мне нравится идея гуманизма, которая в них подчёркнута. Мир после катастрофы, выжили только те, кто живёт под землёй, в системах метро в больших городах. Повествуется о множестве разных событий, но самым важным является то, как человечество выходит из этого кризиса. Это очень интересно показано с точки зрения разных культур, потому что у испанца это выглядит совсем по-другому, чем у поляка, например. Очень интересно также показано, как человек ведёт себя в экстремальных ситуациях.

⚡ ВДОХНОВЛЯЕТ ЗНАКОМСТВО С НОВЫМИ ЛЮДЬМИ

— Самое большое богатство в моей жизни — это возможность встречать новых людей, знакомиться с ними, пытаться их понять — без раздумий отвечает пан Яцек Тышко. — Если бы мне сказали, что с завтрашнего дня у меня не будет такой возможности, то это был бы конец, я умирал бы. Да, у меня много друзей и знакомых, но есть такая острая потребность видеть новые лица. И чем больше они друг от друга отличаются, тем лучше. В Женеве мне потому и нравилось, и она стала важным элементом моей жизни, что там бывали разные люди. Помню, мы на одной из встреч горячо обсуждали какой-то проект, я оглядываюсь по сторонам и вижу: китаец, египтянин, южноафриканец и я. То есть, все мои мечты воплотились в жизнь, а я даже не заметил! Вот это мной движет. Когда мы с семьёй решаем, куда поехать на отдых, у нас часто возникают споры, потому что я говорю: «Новое место!», а жена всегда: «Нет, старое, потому что мы там хорошо провели время» (улыбается). Из-за этого я очень люблю каникулы, ведь это возможность познакомиться с новыми людьми.

⚡ «СДАВАТЬСЯ НЕ СОБИРАЮСЬ»

— Сейчас в Украине, конечно, сложно работать потому, что людей, которые на самом деле хотят изменений и каких-то реформ, очень мало, — с огорчением говорит пан Тышко. — Группа тех, которые ничего не хотят менять, намного больше. Это я говорю о власти, об учреждениях и организациях, с которыми мы непосредственно работаем. Есть ещё, конечно, люди, которые присматриваются и идут за теми, которые «в конце дня» покажут, что они сильнее и правее.

Я всем сердцем за то, чтобы в Украине уже сейчас было так, как сегодня в Польше, но здесь ситуация намного сложнее: изменений хотят не все. И с этой точки зрения все 20 лет независимости были потеряны.

Директор ЮНЭЙДС рассказал, что в Польше тоже есть люди с устаревшими взглядами — это так называемые «мохеровые береты», то есть бабушки в возрасте за 65.

— «Мохеровые береты» — это те, кого внуки должны не пускать на выборы. Это так было, это не шутка, так мы защищались от старого порядка.

Пан Яцек помнит, что ещё в школьные годы, когда брат брал его с собой на первые де-

монстрации, в классе соотношение было 50 на 50 (за и против коммунизма). А когда поступал в вуз, то уже 95% были за демократию и изменения. То есть, за очень короткий период времени молодые люди собрались и сказали: «Нет, больше так не будет!»

👤 Самое большое богатство в жизни — это люди.

— И те, кто за сохранение старого режима, — самое большое препятствие, с которым мы сталкиваемся и в нашей работе. Например, мы договариваемся о международных закупках лекарств в Украине. Министерство здравоохранения получает техническую помощь, экспертную поддержку, документы передаёт в Кабинет Министров и Парламент, и потом всё останавливается на каких-то бюрократических мелочах. Это очень похоже на борьбу старого с новым, которая будет ещё длиться и длиться. Но всё же я всегда смотрю оптимистически. Если услышите, что Яцек уезжает раньше, это значит, что я сдался. Но я не думаю, что так случиться, сдаваться не собираюсь.

Часто партнёры с Запада меня спрашивают: «А почему нет изменений? А почему всё так медленно?» И тогда я начинаю объяснять, что уже поменялось. Может быть, это не так быстро, как хотелось бы, но мы движемся! Тем более, что я прекрасно помню, как в Польше много лет назад мы тоже жаловались: «Почему ничего не меняется?!» Хотя на самом деле менялось, ведь есть результат, который сегодня уже очевиден. Ну есть же определённые изменения! Вот уже есть полиция. Вы слышали, может быть, эту шутку: стучаться в квартиру и говорят: «Милиция, откройте!», а им отвечают: «Уходите, а то полицию вызовём!» (смеётся). Вот, это уже показывает, что изменения происходят.

⚡ «МОЯ ПОЛЬША»

— За Польшей я скучаю всю жизнь. Не было такого года, чтобы я как минимум 3–4 раза не съездил в Польшу, хотя сейчас родственников там осталось мало. Причём хочется уже не только в свой город, где провёл юные годы, а вообще в страну как таковую. Я знаю, что даже если не попаду к маме или в места, близкие сердцу, но попаду в ту же самую Силезию, откуда родом моя жена. Это уже достаточно, чтобы чувствовать себя дома, на родине. Так что да, я патриот.

⚡ СОВЕТ МОЛОДЫМ

— Самое важное — это понять другого человека. Люди — самое большое богатство. Ведь мы можем стать какими-то сверхчеловеками, создавать современные технологии, открывать космос, но это будет неживое. Самое лучшее в жизни, это то, к чему я могу прикоснуться, о ком могу сказать: «Вот я его знал, даже за руку держал». И это обогащает меня больше всего, потому что нас, людей, Бог создал по своему подобию, но каждому дал индивидуальные черты. Каждый — иной, и в каждом есть качества, которым можно поучиться, и многое можно самому дать другим людям. И если берём лучшее и даём лучшее, то мы все развиваемся, становимся более гуманными, понимаем важность человеческой солидарности и проводим границы между добром и злом, чтобы находиться на правильной стороне. Поэтому общайтесь с другими людьми, расширяйте круг общения чем шире, тем лучше.

⚡ СПАСИБО ЗА ИНТЕРВЬЮ

Пан Яцек Тышко поблагодарил за беседу лидеров-подростков Яну, Владу и Надю.

— Вам спасибо, потому что вы — наше будущее, которым я уже горжусь. И помнишь,

когда Мишель (господин Мишель Сидибэ, Исполнительный директор ЮНЕЙДС, который посетил Украину с официальным визитом в 2013 году) приехал в Украину, он тебя обнял и сказал, что Яна — ты для нас самая важная в этой стране. И, на самом деле, ты и каждый из вас очень важен.

Автор интервью:
Надя Дубчак

Ольга Руднева

Исполнительный директор
Фонда Елены Пинчук
«АНТИСПИД».

Уникальная женщина с удивительной историей, которую она нам рассказала. Работа для неё – это её жизнь, где за 11 лет было всё: уроки, успехи, разочарования, достижения... А главное – тысячи спасённых жизней, сотни людей, нашедших себя и друг друга, а также изменение отношения общества к людям, живущим с ВИЧ.

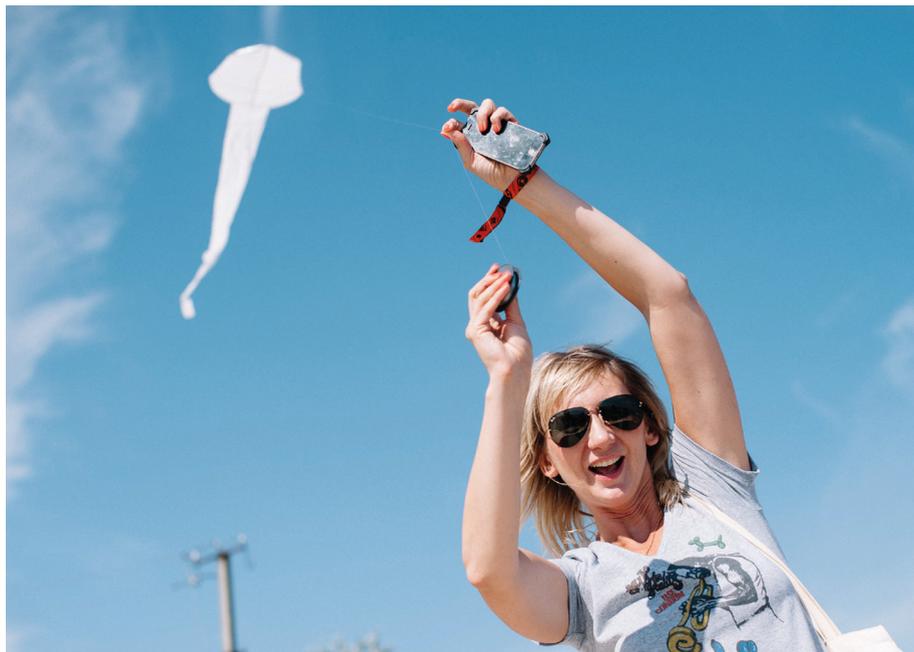
Фонд Елены Пинчук

⚡ СУДЬБОНОСНАЯ АНКЕТА

Наш разговор начинается с того, что мы просим Ольгу вернуться назад в прошлое, в тот возраст, когда ей было 18, и рассказать о том, чем она жила, о чем мечтала, и как эти мечты воплощались в жизнь. Тема «Когда мне было 17» оказывается прямым попаданием, так как именно этот возраст стал определяющим в её жизни.

Немного предыстории. Ольга родилась и выросла в Донецке, но мечтала переехать в другой город. После восьмого класса она поступила в колледж, где в то время тестировали экспериментальную форму обучения. Система отличалась от школьной: здесь преподавали этику, психологию, историю, поощряли дискуссию и нестандартные рефераты. Институт после окончания колледжа был возвратом к старой системе образования, и Оля на первом же курсе потеряла всякий интерес к учебе.

— Мне вообще было не интересно посещать лекции, я пропускала все подряд, и только приходила сдавать «хвосты» на какие-то тройки-четверки, чтобы ко мне не было вопросов. Создала из себя такой образ «глупыша», и от меня ничего не требовали, — вспоминает Оля. — Тогда я считала, что это такая классная тактика: сидишь, ничего не делаешь, вокруг другие стараются, отвеча-

ют на семинарах, а ты один раз поднимаешь руку, говоришь какую-то банальность, и преподаватель: «Да! Руднева что-то сказала! «Пять», — то есть можно было не напрягаться. Правда, один преподаватель по теории вероятности меня раскусил. Он сказал: «Слушай, что ты тут мне рассказываешь? Ты будешь сдавать экзамен, как все. Я прекрасно понимаю, что у тебя всё в порядке с головой,

и не надо ломать комедию». Мне было так стыдно! Я всё выучила и сдала зачёт.

Вот так Оля пробездельничала год на первом курсе института, и, возможно, все бы так и продолжалось, если бы папа не привез ей из Киева какую-то анкету. Он сказал заполнить её, это шанс на обучение в Америке.

— Я тогда немного посопротивлялась, но анкету заполнила. Спустя несколько месяцев мне позвонили и сказали, что я прошла первый тур на обучение в США, и нужно приехать через два дня в Киев сдавать TOEFL. Это был первый раз, когда я услышала слово TOEFL! Пошла на книжный рынок, купила толстенную книгу TOEFL и поняла, что за два дня я ее даже пролистать не успею. По дороге в Киев окончательно поняла, что это мрак! Я ничего вообще не сдам! Вся надежда была на то, что у меня был хороший разговорный английский.

Ещё больше Оля засомневалась в своём успехе, увидев перед экзаменом серьёзных конкуренток в длинных юбках, в свитерах под горло, которые усердно готовились. Посмотрев на себя в коротких шортах и красном пиджаке, который едва прикрывал шорты, ей показалось, что на фоне остальных претендентов она выглядела очень странно. Оля вспоминает, как мама расспрашивала папу по телефону:

- Ну, Саша, как она там?
- Нормально все, — ответил папа.
- А во что она оделась?
- Ну, она так хорошо оделась, в красный пиджак...
- А ещё во что?
- Ну, красный пиджак...
- Ну, а дальше что?
- Ой, Неля, знаешь, по-моему, больше ничего.

«Интервью было ни о чем, — продолжает Оля. — Я не могла оторвать взгляд от зашитых колготок тётки, которая меня интервьюировала, а она спрашивала у меня о том, умею ли я готовить и готова ли выучить испанский, если что. В общем, побеседовали мы очень мило, и я вышла с полной уверенностью, что меня никуда не отберут. 60 человек на место, все в длинных юбках и с серьёзными лицами. Когда мне через месяц сообщили, что я успешно сдала экзамен и уже в августе еду

учиться в Америку, я подумала, что это какая-то ошибка! Конечно, больше всего меня радовало то, что я год проживу без родителей! Никто не будет меня контролировать, учить жизни, и я наконец буду все решать сама! И это был переломный момент в моей жизни».

Ольга рассказывает, что ей очень повезло: её отправили во Флориду. Свою свободу она ощутила уже в самолёте.

— По какой-то счастливой случайности я летела в Нью-Йорк бизнес-классом. Рядом со мной сидели серьёзные люди, нас постоянно кормили-поили, и я абсолютно легально курила во время полета! Потому что я уехала от родителей, потому что мне 17 лет, потому что я лечу бизнес-классом, потому что тогда еще можно было курить в самолетах! Всё это мне так нравилось! И я чувствовала: свобода наступает именно в этом самолете, здесь и сейчас! Но выйдя в аэропорту Флориды, я попала в реальную Америку со всеми ограничениями, условностями и консервативными взглядами на жизнь. Я была просто в недоумении, где я могу реализовывать свою свободу? — смеётся Оля.

Перед тем, как определить семью, в которой Оля должна была жить, её временно поселили к очень состоятельным людям.

— Да, я попала в супербогатую семью, у которой вообще все было. Они нас баловали, возили по магазинам, давали деньги на карманные расходы. Плюс еще родители дали 800 долларов. Я покупала тесты на беременность только потому, что мне было интересно, как они работают, я купила весь ряд «Тампаксов», который там продавался; я покупала всё, что видела первый раз в жизни. И когда 800 долларов закончились, у меня было очень много пар джинсов, каких-то закруток для волос, пять тестов на беременность и масса бесполезных прищипок. Деньги закончились, и за мной приехала моя семья на очень стремной машине. Когда их увидела, у меня случился нервный приступ.

Это было двое невменяемых мальчиков, очень странный папа и единственный нормальный человек — мама. Мы приехали в мой новый дом, который ни в какое сравнение не шел с тем, где я жила до этого. У них были свои традиции: по пятницам мы всегда ели пиццу, три раза в неделю ходили в церковь. Очень скоро я поняла, что церковь нам нужна потому, что там кормят, а я им нужна потому, что за меня что-то вычитают из налогов.

Ольга Руднева была седьмым или восьмым студентом по обмену, и на неё не очень обращали внимание.

— Меня очень удивило такое отношение. Дома, если я опаздывала на пять минут, мама нервно наматывала круги под домом, позоря перед всеми женихами. Папа с грозным лицом свисал с балкона, — вспоминает Оля. — А тут всем было всё равно. Как-то я пошла на первое свидание. Смотрю: уже двенадцать часов ночи! А мои «родители» не знают, где я и что со мной. Я испугалась, вообразила, что там уже полиция, ищут меня с собаками и, вообще, после такого отправят обратно в Донецк! И вот захожу в дом, а там — тишина. Первая мысль: всё! Они намотали сто кругов вокруг дома и поехали искать меня по всему городу. Темно... И тут слышу такой звук: «хрррпшиии». И вдруг до меня доходит: они все спят! Им вообще все равно, где я! Даже если меня

крокодилы раздерут на кусочки на заднем дворе, им будет всё равно, потому что это моя жизнь. Очень скоро, когда я попросила какой-то совет у моей американской «мамы», она даже не оборачиваясь сказала: «А меня ты почему спрашиваешь? Это твоя жизнь, твой выбор, и ты должна сама принимать решение. Лучше тебя никто не знает, что тебе надо». И тогда я поняла, что это и есть свобода, что свобода — это не доступ к запретному, а правильное использование возможного. Это не курить в самолете, а самой принимать решения и нести за них ответственность.

⚡ ИЗМЕНЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Ольга рассказывает, как год жизни в Штатах полностью перевернул ее восприятие жизни. Она поняла, что сама отвечает за свою жизнь, за те решения, которые принимает, и рядом нет родителей, которые все решат и отовсюду вытащат.

— Тогда я поняла, что мне очень нравится учиться, это было безумно интересно. У нас были просто суперпреподаватели. Помню первый шок, когда ты приходишь сдавать контрольную, а преподаватель говорит: «Садись у меня в кабинете, пиши контрольную, а я пошёл по делам». Говорю: «Как? Я же могу списать». Я прямым текстом так и спро-

сила, на что учитель ответил: «Зачем? Ты хочешь оценить свои знания или нет? Ты же для себя учишься, не для меня!» И несмотря на всю очевидность сказанного, я раньше училась ради аттестата, а в Штатах начала учиться ради знаний. Я привыкла, что мои одногруппники перед экзаменом писали шпаргалки. Большое количество времени тратилось на это, но никто не тратил время на чтение учебника или конспекта. **А тут я столкнулась с полным доверием к студентам, которое ты не можешь не оправдать потому, что тебе верят.** У меня словно гора с плеч свалилась, я не умела списывать, и наконец попала в мир, где сравнивали знания, а не то, кто лучше спрятал шпаргалку.

В жизни Оли изменилось всё. **Она научилась самостоятельно принимать решения, научилась получать удовольствие от жизни, научилась нести ответственность за людей, которые рядом.**

— Я хотела взять от этого года максимум. Я тогда думала, что больше никогда не попаду в Америку, поэтому старалась прожить каждый день максимально эффективно. Я просыпалась с установкой, что сегодня — мой единственный шанс в жизни, и надо успеть все: пройтись по американским магазинам, поесть американское мороженое, узнать как можно больше людей, прочитать как мож-

но больше книг, посетить как можно больше мест. Я жила, получая кайф от каждого момента. Туда я ехала с огромным количеством шмоток, а назад везла только игрушки и книги. По этим книгам я еще четыре года училась у нас в НАРХОЗе и за всё время обучения в университете ни на страницу не узнала ничего больше того, что мне рассказали за год в американском колледже. А игрушки привезла потому, что в моём детстве таких не было: ни Барби, ни пушистых собачек! А еще я тащила с собой магнитофон и диски. На радость моим родителям, начала слушать не только Виктора Цоя. Да, я вернулась совершенно другим человеком.

Оля мечтала заниматься чем-то важным, быть полезной людям. И на третьем курсе учёбы в Киевском национальном экономическом университете уже открыла свой бизнес — журнал «Женское здоровье». Когда её однокурсники сидели на лекциях и толклись на дискотеках, она бегала по рекламодателям, чтобы найти рекламу. И у неё всё отлично получалось.

— **Америка постоянно мотивирует тебя, постоянно стимулирует к росту. Я вернулась в Украину с абсолютной уверенностью, что могу всё. Мне очень хотелось изменить мир вокруг. Помню: у меня, 23-летней девушки, брали интервью взрослые люди в модные из-**

дания, а я просила никому не говорить о том, сколько мне лет. Ведь в перерывах между рабочими встречами я еще бегала на пары и на зачеты в институт. Мне нравилось учиться, но я не могла на все 100 процентов посвящать себя институту.

⚡ «У МЕНЯ СПИД»

Вскоре Оля познакомилась с Владимиром Жовтяком, который занимался проблемами людей с ВИЧ. Это был 1998 год.

— У нас появилась идея сделать первый тренинг для ВИЧ+ женщин. Тогда я вообще очень мало знала про ВИЧ-инфекцию. В конце девяностых этой темы как-бы не было. Мне очень кратко рассказали о вирусе иммунодефицита человека, все было понятно, никакого страха не возникло. И мы начали подготовку к тренингу. Переворот в сознании произошел, когда эти женщины рассказывали о своей жизни, как они инфицировались, как врачи принимали решения об удалении матки, чтоб они больше никогда не смогли родить. Эти жизненные истории вдруг открыли для меня существование такой проблемы, как стигма. Никогда не видела разницы: есть у человека ВИЧ-инфекция или нет у человека ВИЧ-инфекции. У меня изначально не было этого барьера. **И тут я поняла, что есть какой-то другой мир,**

в котором не принимают таких людей по причине собственной невежественности и необразованности.

Оля Руднева удивляется, почему все думают: если она работает в Фонде «АНТИСПИД», то тоже ВИЧ-положительная.

— Как-то ко мне пришли брать интервью о том, как долго я уже живу с диагнозом. А мне даже неудобно было сказать, что у меня нет ВИЧ-инфекции, то есть, можно сказать, было какое-то странное ощущение, что я подрываю чье-то доверие. А после того, как я написала блог «У меня СПИД», в котором я размышляю, как могла заразиться, а в конце говорю о том, что если хоть у одного человека у нас в обществе СПИД — то мы все инфицированы, посыпались звонки и письма от всех моих знакомых, которые даже не нашли в себе силы дочитать до конца текст. Мне звонили мои подруги из Нью-Йорка и говорили: «Руднева, мы тут рыдаем уже третий день. У тебя СПИД? Ты умираешь?» Я даже представить себе не могла, что страх полностью отключает у людей логику, они даже не в состоянии дочитать текст до конца! И знаете, большинство почему-то думает, что искренне, с полной самоотдачей работать в ВИЧ-сервисе нельзя, если у тебя нет ВИЧ. Ведь иначе нет другого объяснения!

После работы в журнале «Женское здоровье» Ольга перешла в Министерство здравоохранения. Как она признаётся, — самый тяжелый период в её жизни.

— Я по жизни избегаю государственных учреждений, мне там не хорошо физически. Сама атмосфера не стимулирует, а подавляет. А я считаю, что подавленные, неуверенные в себе люди вообще ничего не способны создать. Вся американская система построена на том, чтобы мотивировать людей. Американцы говорят: «Ты можешь все! Ты должен пытаться, должен стараться! Ты упал,

споткнулся — поднимайся и иди дальше». Наши государственные учреждения действуют совершенно по противоположным принципам. Во всяком случае, такие у меня воспоминания 10-летней давности.

Через год работы в Минздраве Ольга узнала, что в Фонд Елены Франчук (теперь Пинчук) «АНТИСПИД» ищут директора. Олю порекомендовали на эту должность.

— С Еленой Пинчук впервые познакомилась на собеседовании. Наш первый контакт был очень позитивным. Несмотря на то, что Елена тогда была дочерью Президента, в общении она была очень проста. Это даже не было собеседование: мы с ней пообщались, поговорили о жизни. Через пару недель мне перезвонили и сообщили, что меня взяли на испытательный срок. Лена так и сказала тогда: «Давайте попробуем». Вот так уже и пробуем 11 лет :)

Со слов Рудневой, в фонде абсолютно другая атмосфера, чем была в Минздраве, где царил дух конкуренции и выживания. Здесь дружный коллектив профессионалов, которые знают, что делать и для чего делать. Клиенты тоже становятся друзьями, ведь тут их защищают и дают возможность быть частью общего дела.

— Мне повезло: у меня увлекательная работа, которая мне очень нравится. Сейчас у меня тот возраст, когда уже есть определенный опыт и в тоже время — еще много сил и энергии, хочется все воплощать в жизнь. И каждый раз, когда заканчивался один этап, охватывал страх: что же дальше? А дальше начиналось сразу что-то невероятное: концерт Элтона Джона, два концерта «Queen» в Харькове и Киеве, совершенно уникальные fashion show с украинскими дизайнерами и ВИЧ-позитивными людьми на подиуме, создание первого в Украине благотворительного Интернет-магазина «Fashion-aid», Интернет-аукциона «Звезды на продажу». Такие события вдохновляют.

⚡ ДЕРМАТИНОВАЯ ДВЕРЬ...

Рассказывая о проектах фонда, Ольга вспоминает фотопроект с южноафриканским фотографом Брентоном Стиртоном. Задача была зафиксировать на фотографиях картину эпидемии СПИДа в Украине. У Брента был свой подход, он хотел фотографии с историей: если люди употребляют наркотики — значит они должны в кадре употреблять наркотики, если это работницы секс-бизнеса — значит они должны работать в кадре, если мама ухаживает за умирающим от СПИДа сыном, на фото должны быть мама и сын.

— Мы с ним проехали практически всю Украину. Это было тяжело. Потом ещё примерно с полгода у меня была психологическая проблема: я не могла проходить мимо закрытых дверей обитых дерматином. Помню, мы приехали в Полтаву, в какой-то район на окраине. Социальные работники сказали нам, что можно постучать в любую дверь и там будет что снимать. То есть весь район употреблял или продавал наркотики. Даже родители варили наркотики своим детям, а часть продавали. Там было столько трагедий! И ты приходишь, а там везде умирающие люди, гниющие руки и этот запах... И ты проводишь там несколько часов, разговаривая с человеком, пытаешься получить тот самый кадр. Большинство людей, с которыми мы тогда столкнулись, были очень интересными людьми с тяжелыми жизненными историями. Помню, как в какой-то момент я осознала, что сижу на полу в грязной квартире, что-то записываю со слов какого-то парня, и мне безумно интересно. А у меня блокнотик из пятизвездочной гостиницы из Канн, где я была недавно на каком-то международном форуме. **Между тем международным форумом, где обсуждали проблемы этих людей, и этими людьми была не просто пропасть, была огромная бездна!** Люди, сидящие там и обсуждающие проблемы СПИДа, **обсуждают не людей, они обсуждают некую теоретическую модель.** И им все

понятно, и все решения им ясны. А вот сидя на полу рядом с человеком и слушая его историю, понимаешь, что ты абсолютно ничего не можешь для него сделать. Ни-че-го. Можешь начать давать ему деньги, но это не решит его проблему с употреблением наркотиков, с ВИЧ-инфекцией, туберкулезом. Это даже не было его выбором. Так сложились обстоятельства. Вопрос в том: что ты делаешь дальше с пониманием своего бессилия? Как ты завтра снова придёшь в свой красивый офис и какие решения ты примешь? **Помогают истории людей, которым удалось вырваться. Это стоило им огромных усилий, но они смогли начать новую жизнь.** А есть те, которые не смогли. И это не делает их ни хорошими, ни плохими. Они все **для нас — наши клиенты, которые требуют помощи.**

Когда люди смотрели на фото Брента, то многие спрашивали, зачем этот проект, почему фонд согласился в этом принимать участие. Ольга отвечает очень просто: **если просто сидеть в офисе и решать проблему СПИДа на уровне бумажек, то и решение будет ненастоящее, на бумаге. Именно поэтому с самого первого дня в фонде есть проект прямой помощи.**

— Любой человек с ВИЧ-статусом может к нам прийти, и мы стараемся помочь, даём препараты, оплачиваем анализы... Некоторые говорят: «Слушайте, да закройте вы этот проект, это же так тяжело!» Но если у нас не будет этих историй, даже зачастую наполненных сплошным негативом, мы забудем, зачем мы работаем. Мы можем сидеть в офисе с красивым видом на Киев, что-то себе в компьютере пописывать, встречаться с разными «Квинами», Элтонами Джонами и даже верить в то, что делаешь что-то полезное. Тебе даже могут приходить отчёты с миллионом подтверждений и доказательств. Но когда ты пойдёшь и носом ткнёшься в реальность, то увидишь, что твои деньги работают лишь на 5%, то, что ты делаешь, доходит в одном случае из десяти, тебя слышит один из двадцати, а поведение меняет один из пятидесяти. Да,

реальность всегда намного жестче бумажных отчетов, но только так можно всё это переварить и организовать нормальную деятельность.

⚡ НАУЧИТЕСЬ ЖИТЬ СЕЙЧАС

Распорядок дня Оли очень насыщен. Встаёт она в 6 утра. С 7 до 9 — тренировка, в последнее время большая часть тренировки — это бег.

— Бег помог мне лучше осознать себя. Я не бегала с 18 лет, с той самой Америки, в которой я решила, что от бега у меня болит голова, и что бег — это занятие для суперменов. Но потом увидела, что бегают не только суперлюди, а и обычные. Мне нужно только себя побороть, найти свой центр управления собой. И я его нашла, конечно же, в голове. Как только я дала себе сигнал, что «да, я могу бегать», я начала бегать. Первым делом на работе Ольга открывает Facebook, всегда смотрит свою ленту и заходит на каждый из аккаунтов фонда: Fashion AID, AIDS.UA, Safe Connection и Медсанбат. Потом начинаются встречи, брейнсторминги, документы, мэйлы и звонки.

— Когда мама в Киеве, я стараюсь успеть к ней на обед. Прожив год в Штатах, я поняла как много для меня значат родители и что они не вечны. Очень важно осознать, что наступит момент, когда их не будет и я не смогу с ними пообщаться, спросить их совета. Поэтому я должна наслаждаться возможностью побыть с ними сейчас. Могу быть тысячу раз не согласна с мамой, мне может не нравиться что-то в её взглядах, а ей в моем поведении, но я хочу провести с ней как можно больше времени.

Оля считает себя счастливым человеком. Ведь она имела возможность пожить в Женеве, Нью-Йорке, встретить огромное количество интересных людей, попутешествовать, прочитать множество книг.

— Когда я была маленькая, мне было очень интересно какой я вырасту, представляла свою взрослую жизнь. Мечтала, что у меня будут муж, дети, большой, красивый дом... А теперь я хотела бы оказаться в маленьком городке, в маленькой квартирке, ходить в институт с учебниками подмышкой. Но я ничего этого не могу позволить, потому что я должна работать, жить в большом доме и ходить не с учебниками, а с сумкой!

Вы, подростки, в очень крутом возрасте. Я не могу сказать, что завидую вам, ведь я там была, и это время стало для меня катализатором, зарядом энергии, которого хватило потом еще лет на 10. Но очень важно для каждого научиться жить сейчас и получать удовольствие от учёбы, работы, общения, то есть быть счастливыми и приносить счастье другим.

 Каждый должен быть счастлив
и приносить счастье другим.

Автор интервью:
Влада Фомина

Юкие Мокуо

Несколько лет возглавляла
Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)
в Украине.

Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) защищает права и интересы детей в многих странах мира. И сейчас Юкие работает в Кыргызской Республике, но не забывает и Украину. Она любезно согласилась ответить на вопросы украинских подростков.

unicef

🧩 Вы работаете в очень важной сфере. Кто и что повлияло на Ваш выбор профессии? Какие уникальные особенности Вашей работы?

— Это длинная история ... В юности я никогда не думала о том, чтобы уехать из своей родной страны или о работе за рубежом. Так же я ничего не знала об Организации Объединенных Наций или ЮНИСЕФ. Жила в своем уютном мире, в окружении любящей семьи и классных друзей. Я родилась и выросла в большом городе Токио, который ни разу не наскучил мне за всю мою жизнь. Поездка за границу всегда означала для меня «быть туристом».

Главным поворотным моментом в моей жизни стала служба в качестве добровольца в Фиджи — очень красивой маленькой республике на тихоокеанских островах! Я поехала туда по программе ODA при поддержке правительства Японии, в рамках которой отправляли молодых людей за границу в качестве волонтеров.

Я поехала туда в поисках другого профессионального опыта и была уверена, что через 2 года обязательно вернусь домой в свое уютное гнездышко и займусь своей прежней работой.

Тем не менее, опыт работы в Фиджи открыл для меня совершенно иной мир.

Фиджи — это страна, расположенная на небольших островах с немногочисленным населением, составляющим менее миллиона. Эта страна известна как хорошее туристическое место. Из этого складывается картинка, что жизнь в ней протекает красивая и идеальная с минимумом проблем. Именно поэтому я думала, что все знаю и еду туда «научить» людей, как правильно жить. Ведь я жила в огромном мегаполисе Токио. Но мое предположение оказалось совершенно неверным, ведь на самом деле, я действительно не знала НИЧЕГО!

Впервые в своей жизни я увидела мир, которого никогда не знала. Фиджи имеет мультирасовое общество, где этническая напряженность всегда была проблемой. Это было что-то совершенно новое для меня, потому что Япония, особенно когда я росла, всегда была очень однородной. Я впервые пришла к пониманию того, что в этом мире существует социальное неравенство, а также разница между богатыми и бедными, что приносит в общество несправедливость и дискриминацию.

Я также задавалась вопросом о том, насколько эффективно или неэффективно

работает программа ODA. Ведь существует много различных интересов, за которыми скрывается политика. Я также стала свидетелем «высокомерия» богатых стран по отношению к развивающимся странам... Таким образом, сценарий такой богатой страны, как Япония, помогающей бедным странам, не был такой уж романтической историей.

Это было время, когда я уже 4 года проработала после окончания университета. Причина, по которой я стала добровольцем за рубежом, была в гендерной дискриминации в моей профессиональной сфере в Японии. Я была молодой и честолюбивой, жаждущей все больше и больше профессиональных достижений. В офисе, в котором работала, было справедливое отношение к женщинам-профессионалам и у меня было много возможностей. Тем не менее, клиенты нашей фирмы, в основном местные чиновники, были намного более консервативны и не ценили молодых женщин как профессионалов. Так что я решила присоединиться к программе японского правительства «добровольцы за рубежом», по которой молодые люди отправлялись в качестве добровольцев в другие страны. Я думала, что несколько лет работы за рубежом станет «хорошей инвестицией», так как это повысит мою квалификацию,

придаст мне больше уверенности и я смогу вернуться и продолжить свою работу в Японии еще более успешно.

Этот опыт в Фиджи научил меня, что за пределами Японии существует совершенно другой мир. Было много разных дверей в этот мир, но в то же время я поняла, что очень мало знаю о многих вещах на этой земле. Затем, после опыта в Фиджи, я решила вернуться в университет, чтобы изучить вопросы международного развития и получить степень магистра. С тех пор я работаю за пределами своей родины.

Мне было 27, когда я покинула Японию. Я ни слова не говорила по-английски. Но мой пылкий ум, жаждущий приключений, придавал мне храбрости попробовать другой мир. Я не испугалась :)

После получения степени магистра я присоединилась к команде ЮНИСЕФ. Счастлива, что у меня есть такая работа, потому что моя работа — это мой жизненный поиск ответов на многие вопросы, возникшие у меня во время моего незабываемого опыта работы в Фиджи много-много лет назад. От той поры я продолжаю искать социальную справедливость, отсутствие дискриминации, равенство и справедливость, особенно для тех, кто наиболее социально уязвим — детей!

Каковы Ваши лучшие воспоминания детства?

— У меня много хороших воспоминаний. Одно из самых ярких — момент, когда я впервые увидела самолет в аэропорту Токио. Мы даже никуда не ехали. В один из выходных дней мой отец взял меня и моего брата и мы поехали в аэропорт, чтобы просто посмотреть. Мне было лет 5 или 6.

Я думала, что самолет будет небольшой крошечной вещицей, таким, как я иногда его видела в небе. Но в аэропорту я была в шоке от его размеров и грандиозности. Мой отец сказал мне, что в один прекрасный день я смогу отправиться в путешествие куда-то за границу на этом большой самолете. Тогда мне в это не верилось, но это действительно стало реальностью!

Кем Вы хотели стать, когда были подростком? Как вы выбирали себе профессию?

— В юности я всегда хотела приключений, хотелось делать что-то отличное от других. Но я не знала, что именно это может быть. Так же мне нравилось искусство и литература. Поэтому я подумывала о том,

чтобы стать «сумасбродным» художником или авантюрным журналистом. Но затем, при выборе специальности в университете, я предпочла «Архитектуру и дизайн». Я подумала, что это станет хорошим компромиссом между моей творческой натурой и профессией, которая смогла бы обеспечить мне стабильную жизнь.

Какова была ваша первая работа?

— Я нашла себе работу в архитектурной фирме, которая не только разрабатывала архитектурный дизайн, но также предоставляла консультации по региональному планированию. Я была назначена помощником по планированию в отдел регионального планирования и городского развития. Проработала там 4 года. За это время на ра-

бочем месте я узнала все о «планировании». Эти навыки пригодились мне и в моей нынешней профессии. Хотя этот путь отвел меня от моей мечты стать художником, но открыл другую дверь для работы, которая позволяет мне реализовывать свои амбиции — быть значимым для общества.

О чем Вы мечтали в детстве? Что Вы думаете о своей мечте сейчас?

— Я всегда хотела стать художником или дизайнером. Были моменты, когда я хотела стать модельером, живописцем, художником-мультипликатором.

Да, рисование всегда было в моей жизни. Мне всегда нравится заниматься тем, что касается рисования. Я займусь живописью, когда выйду на пенсию :)

У каждого человека случаются успехи и неудачи. Всегда ли Вы довольны результатами своей работы? Что посоветуете молодым людям, как не утратить веру в себя?

— Самое опасное — быть перфекционистом. Если ты перфекционист, то никогда не бу-

дешь доволен собой, потому что в этом мире нет совершенства. Если ты не удовлетворен самим собой, становишься самокритичным, то в результате теряешь уверенность в себе.

Нет такого понятия, как «быть неудачным». Все, что ты делаешь, все, что мы делаем, — это успех во многих отношениях. Если ты не достиг того, что хочешь, то можешь думать, что ты «неудачник», но в то же время ты испытываешь нечто значительно «успешнее». Недостижение того, чего ты хотел, является важным шагом для достижения этого более успешно. Так что всегда будьте ответственны в этом.

Важно знать, что жизнь несправедлива. Есть много моментов и случаев в жизни, когда вы чувствуете, что нет справедливости. Но это реальность: **вы растете и становитесь сильнее, когда принимаете реальность и находите свой собственный путь решения, а не жалуется и ноете о своей беспомощности.**

Жизнь — не только работа. У Вас есть хобби?

— Я очень люблю изобразительное искусство и музыку. Раньше занималась рисованием и живописью, но у меня сейчас мало време-

ни для этого. Рисование и живопись требуют много времени и энергии.

Вместо этого, я хорошо провожу время со своим мужем — музыкантом из Памира. К сожалению, я не умею играть на музыкальных инструментах, но я пою песни под музыку, которую играет мой муж, особенно песни, написанные им. Я также вношу свой вклад, когда пишу тексты для его песен.

У Вас есть свой собственный секрет успеха, которым Вы бы хотели поделиться с читателями?

— Будьте как вода. Теките как вода. Вода — H₂O — не меняет своей сути, но в зависимости от ситуации и окружающей среды меняет свою форму. Есть много форм воды: река, океан, каскады, водопады, ручьи, капли дождя, или даже лед, много-много различных форм. Она может быть очень мощной и может быть очень спокойной, она может быть умиротворенной и может быть сильной, она может быть теплой и может быть обжигающе холодной. Но при этом её суть никогда не меняется — так можно оставаться верным себе, но в то же время выполнять задачи различными способами, легко приспосабливаясь к ситуации.

UNHCR (United Nations High Commission for Refugees)

III FLOOR

UNDP (United Nations Development Programme)
UNV (United Nations Volunteers)
UNFPA (United Nations Population Fund)

unicef

unicef

UNICEF

🧩 О чем Вы мечтаете и к чему стремитесь сегодня? Чего Вы ждете? Каковы Ваши нынешние планы?

— Моя мечта и цель состоит в том, чтобы спроецировать мое внутреннее умиротворение на этот мир. Благодаря своей профессиональной деятельности и личной жизни создавать и проецировать позитивную ауру и энергию, что принесет мир в этот Мир. Если каждый в этом Мире будет делать так же, то этот Мир станет лучше.

Возможно, вам покажется, что это звучит лицемерно или слишком нереалистично, но я действительно в это верю. Если вы не верите, то этого и не происходит. Не так уж легко это делать. Мы постоянно являемся заложниками современного мира — со стрессом, конкуренцией, истощением. Но ради чего? Нелегко оставаться счастливым и в мире с самим собой, потому что жизнь всегда приносит много разочарований. Но мир должен где-то начинаться. Если же и есть место для мира, то оно, наверняка, внутри нас.

🧩 Если же и есть место для мира,
то оно, наверняка, внутри нас.

В этом мире слишком много насилия. Это очень печально, но так и есть. Чтобы создать мир без насилия, каждый из нас должен начать с себя. Каждый из нас.

🧩 Что Вас вдохновляет (вещи, люди, события, деятельность)?

— Моя дочь и мой муж, который изменил мою жизнь и научил меня самому огромному счастью в моей жизни.

🧩 Ваши любимые книги и какие книги Вы порекомендуете нам почитать?

— «Иллюзию» Ричарда Баха, «Дверь в лето» Роберта Хайнлайна.

🧩 Ваш совет нашему поколению?

— Быть смелыми, любопытными и храбрыми. Освободите себя от страха и уныния. Найдите свое собственное психологическое пространство, где смогут свободно существовать ваши мечты и ваша страсть. Даже в те моменты жизни, когда вам кажется, что выхода нет, даже в окружении, где ничто не представляется возможным. Только вы можете проложить свой собственный путь. Только вы можете найти свои собственные сильные стороны.

И тогда все начинается...

Автор интервью:
Яна Панфилова

Игорь Калинаускас

*Кто такой Игорь Калинаускас? Писатель?
Художник? Музыкант? Психолог? Режиссер?
А может быть, все сразу? Вернее сказать,
гений, человек удивительных способностей
и талантов.*

К своим 70 годам, Игорь состоялся как театральный режиссёр, певец и композитор, писатель, психолог, художник. Игорь опубликовал ряд книг, переведенных на английский, немецкий, литовский, чешский и словацкий языки. Как певец и композитор, Калинаускас выступает под фамилией Силин (девичья фамилия его матери). В 1993 году, он совместно с выпускницей Киевского театрального института Ольгой Ткаченко, создал дуэт Zikr – «магический театр голоса», практикующий метод симфонического пения. Дуэт записывался и выступал со многими известными музыкантами (Борисом Гребенщиковым, Сергеем Курехиным, Дживаном Гаспаряном, Юрием Морозовым, Сергеем Чиграковым, Александром Ляпиным и другими). Живописью Калинаускас всерьез занялся только на 53 году жизни, что не помешало ему стать почетным членом Российской академии художеств и автором почти 2 тыс. полотен, которые выставлялись в разных странах мира. «Живописный» псевдоним художника – Ink. Сегодня этот уникальный человек поделится с нами своей историей.

⚡ «МНОГОСТАНОЧНИК»

Детство Игоря прошло в Вильнюсе, в социалистической, на тот момент, Литве.

Как говорит сам Игорь, одним из переломных моментов в его жизни была полученная им в возрасте шести лет черепно-мозговая травма. С того момента, в течение 20 лет, его преследовали головные боли, но это не мешало нормальной жизни: занятиям спортом и, конечно же, чтению:

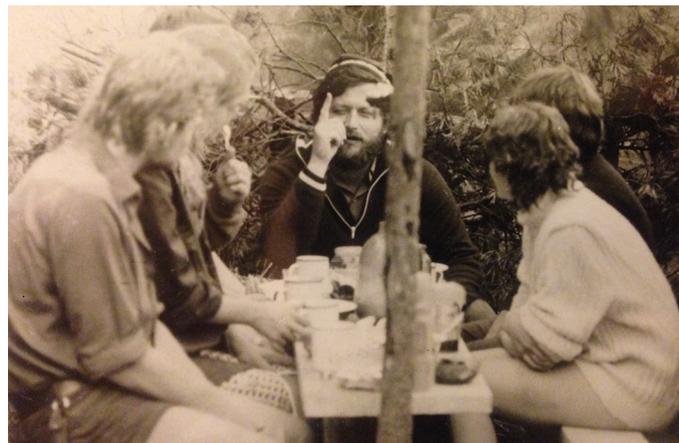
«Мне повезло, я очень быстро читаю и очень хорошо все запоминаю. Помню, как в детской библиотеке мне сначала выдавали по одной книжке, а через три часа я приходил за следующей, так мне стали выдавать пачками. Так пачками я и читал».

Учиться Игорю было легко: домашние задания на переменах на подоконнике, приятно пахнущие в начале года учебники...

«Так я привык быть многостаночником: и спорт, и театр, и книги...»

В четырнадцать лет с Игорем произошел случай, который перевернул его мир. Сидя на подоконнике и наблюдая за пешеходами за окном, он услышал голос, который сказал, что нет недостойных людей, есть недостойная людей жизнь.

«Вот эта формула мною и двигала. Да, больше всего меня интересовал человек и почему он вынужден жить жизнью, недостойной человека. Так получилось, что с четырнадцати лет я уже знал, что самое интересное для меня — это люди, что у них там внутри. Мне всегда нравилось, когда люди рассказывали что-то о себе, о своей жизни, о своих мыслях».

С детства Игорь интересовался драматургией. Театральная карьера началась в драмкружке Дома пионеров, потом работал режиссером в Народном театре.

«Театр — это вообще уникальная вещь, сочетание искусства и исследовательской психологической лаборатории. Всегда хотел стать режиссером».

⚡ РЕЖИССЕР И ПСИХОЛОГ

Важным опытом в жизни Игоря было путешествие, а точнее сказать, научная экспедиция в Забайкалье. Хотя Игорь Калинаускас на тот момент не занимался наукой, а был молодым театральным режиссером, тем не менее, он откликнулся на предложение друга испытать себя в совершенно необычных условиях. Игорь вспоминает: «Грандиозный опыт.

Суровые и справедливые правила отношений. Абсолютно другие люди. Меня всегда интересовали люди из разных миров. Вот, например, сижу я на берегу озера, а по радио играет 40 симфония Моцарта. Прекрасно... И слышу: кони скачут, и в свет костра въезжают два парня, как из былин. Оказывается, они просто разглядели наш костер и прискакали поговорить.

А вот еще случай был. Шли мы с одним товарищем на перевал через деревню, в деревне один дом, в нем живет один мужик, который людей видит один раз в год, на сенокос, когда те за сеном приезжают. Долго мы поднимались, очень устали, но до утра слушали этого старика, который рассказал нам все про свою семью, про своих сыновей, про свою жизнь. Очень интересные люди, абсолютно не похожие на нас».

По возвращении, Игоря ждала армия. Попал он почти туда же, где был в экспедиции, — в Сибирь, а оттуда на Дальний Восток, в Хабаровск. И там Игорю Калинаускасу удалось поставить спектакль, после которого он руководил Народным театром Дома офицеров, и вскоре получил разрешение поступать в Щукинское. Поступил, а после продолжал работать в Хабаровске. Комиссовали Игоря из-за черепно-мозговой травмы. Головные боли продолжались. По возвра-

щении в Народный театр, Калинаускас стал его руководителем. Так он начал ставить разные спектакли, половину которых пытались запретить. А параллельно занимался всякими изысканиями: психологией, эзотерикой. Конечно, в советское время это было недопустимо.

«В Вильнюсе меня вызвала организация «на три буквы». На этом закончились мои отношения с театром. Я никогда не был в категории диссидентов, я не интересовался политикой, но все равно был из числа «не наших». Периодически проходил профилактические беседы, был не выездным, в общем, как тогда говорили, «под колпаком». И я был очень доволен таким положением, потому что понимал, что если допущу где-то малейшую ошибку, дам слабину, мне тут же по ней врежут. И это очень хорошее обучение.

Когда меня выперли из театра, моему сыну было 3 месяца, а меня просто нигде не брали на работу, даже в сторожа вневедомственной охраны. А у меня сын. И чего я только не придумывал.

«Я даже придумал профессию «интеллектуальная проститутка»: за 10 рублей, чашку кофе и бутерброд я в течение трех часов отвечал на любые вопросы».

После вынужденного прощания с театром в жизни Игоря начинается «киевский период». С «волчьим билетом», но имея за плечами необходимый опыт, Игорь стал работать со спортсменами сборной Украины: позвоночники вправлял и психологическую поддержку оказывал, обучал тому, что называется ДФС (Методика дифференцированных функциональных состояний).

А потом случилась авария на Чернобыльской АЭС. В связи с катастрофой был создан Научный центр радиационной медицины АМН, где впоследствии работал Игорь.

«Собственно, там я познакомился с профессором, которая первая за все эти годы поставила мне абсолютно точный диагноз по поводу травмы головы. И она мне сказала крылатую фразу: «Вам повезло. Вы могли бы быть инвалидом второй группы, а так вам травма в интеллект пошла».

Когда Игорь вернулся в Вильнюс, он открыл первый в Союзе кооператив по оказанию психологических услуг.

«Много всего интересного у меня было в жизни, потому что я придерживался одного простого правила: главное, чтоб было интересно жить. А если становилось не интересно, я вставал и уходил. Просто вставал и уходил».

И конечно же, самым интересным для Игоря Калинаускаса всегда был и остается ЧЕЛОВЕК.

«Уже немало лет я не перестаю удивляться людям. Человек — это целая вселенная. Мне абсолютно не интересно, есть инопланетяне, нет инопланетян, и прочие такие штуковины. Мне интересны люди. Вот конкретный живой

человек! Я вижу, что он может, а он не видит. И я пытаюсь ему показать. Иногда, очень редко, мне это удается».

⚡ ПЕВЕЦ И ХУДОЖНИК

Как певец и композитор Игорь Калинаускас выступает под псевдонимом Силин (девичья фамилия его матери). Музыкой занялся в 49 лет, а живописью еще позже. В молодости он всегда любил рисовать, таскал с собой альбомы с карандашом на природу. Всего один год прозанимался в кружке в Доме пионеров, но, тем не менее, одна акварель Игоря даже попала на городскую выставку. Но на этом увлечение закончилось. А потом случилась такая история:

«Было это в Петербурге, я работал в одном центре и однажды пришел в одно учреждение и сказал: «Ребята, тут хорошо бы было повесить какую-нибудь длинную картинку. Загрунтуйте мне холст, и я нарисую». Со временем я и забыл о данном обещании, но однажды мне ребята подготовили холст (полтора на два метра), нашли лучшую итальянскую температуру: «Вот, мол, рисуй». Ну, слово сказано! Так я нарисовал свою первую картину.

И до сих пор мне жутко нравится это ощущение, когда пишешь. Ну а поскольку у меня

привычка, если ты что-то делаешь, то должен стараться делать это профессионально. Одно занятие я взял у мастера и понял, что ремеслу научусь, но художником быть перестану. Так что учился я сам. Три года я каждый день вставал к мольберту и что-то рисовал. Теперь я почетный член Академии художеств России».

В 1993 Игорь Калинаускас с Ольгой Ткаченко создали дуэт Zikr, так называемый «Магический Театр Голоса», практикующий метод симфонического пения.

«Как только у нас появилась идея сознания дуэта, я просто попросил знакомого композитора послушать нас и сказать, это бред или из этого что-то может получиться. Как видите, получилось очень неплохо! Пять лет мы занимались с профессиональными педагогами вокала, чтоб инструмент был опять же профессиональный. Вот так родилась наша музыка, наш дуэт, который существует до сих пор».

«Живу я интересно, с удовольствием. И сделал для себя один вывод: люди, которые имеют так называемый гвоздь, какую-то идею, которую они хотят реализовать с подросткового возраста, — с ними всегда интересно. (Не нравится мне слово «стержень», мне нравится слово «гвоздь»).

И поэтому, когда говорят, что нынешняя молодежь «не та», так это еще в Вавилоне на табличках было написано «Нынешняя молодежь не та!». Разная, как и во все времена... Есть замечательная. Есть ребята, с которыми очень интересно общаться и, как ни странно, они понимают меня намного лучше, чем многие взрослые. И с детьми очень интересно, потому что для меня не важно, сколько им лет. Мне интересно все равно что с пятилетним, что с пятидесятилетним, главное — человек. Я знаю много ребят и девушек 14–15 лет, которые точно знают, чего они хотят и уверенно двигаются к своей цели. И на этом, собственно говоря, и держатся, потому что внешний мир слишком быстро меняется. Но если у человека есть цель, он все равно пробьется.

Мой младший сын с четырнадцати лет увлекается компьютерной графикой. У меня никогда не было проблемы с подарком ему на день рождения: новый компьютер был всегда кстати. И эта идея, этот гвоздь, движет им и до сегодняшнего дня».

«Если гвоздя нет, то стандартное расписание, которое предлагает Великое среднее, затягивает человека, а если есть гвоздь — как человека ни ломай, он все равно пробьется».

Этот гвоздь — это самое главное, а если его нет, жизнь просто растащит человека на кусочки, особенно если человек абсолютно не интересуется собой. А сейчас люди очень редко интересуются собой, они ничего не знают про то, что у них внутри. А внутри у нас колоссальные ресурсы. Путешествия в себя — это самое интересное приключение, которое может случиться с человеком. И тогда ты уже забываешь, что такое депрессия, кризис смысла жизни и прочая лапша, которую нам вешают на уши, чтоб объяснить, почему мы вынуждены жить такой банальной жизнью, недостойной звания Человека.

Я всегда говорил, что путь в себя — это чисто маркетинговый ход, потому что когда его начинаешь, сразу попадаешь в зависимость от того, кто знает, где он и как туда пройти. Ты ищешь его вне себя. Но как говорил Иисус: «Храм божий внутри тебя». Я перестал искать объяснения вне себя и абсолютно уверен, что практически любой человек может открыть это в себе. Главное, чтоб был интерес к себе, чтоб человек смог принять себя, полюбить себя. А внутри у нас просто потрясающие ресурсы. Я всегда говорил, что человек очень странное существо, как Мальчик-с-Пальчик, женившийся на женщине-великанше, который в первую брачную ночь бегаёт по ней и говорит: «Это все мое? И это мое, и это мое?», — а потом выясняется, что великан — это он. А так мы себя всегда Мальчиком-с-Пальчиком ощущаем. Вокруг одни небоскребы, а человек маленький такой. Так не должно быть».

⚡ УМЕНИЕ УХОДИТЬ

«Ищите интерес и держитесь его, а если неинтересно — надо уходить. Есть две вещи, которые я могу советовать: это вот какая-то устремленность к чему-то (гвоздь), а второе — это искренность (наверное, искренность — это самое дорогое в человеческих отношениях, это дороже, чем правдивость). Быть искренним — это быть открытым. А быть открытым значит все слышать, видеть, обонять, осязать, даже когда тебе больно. Я думаю, что гораздо меньше было бы недопониманий между влюбленными, если бы они изначально понимали, что главное — это искренность, а не делали из себя оправдание ожиданий партнера. Взаимная искренность и ее принятие — это самое надежное. К сожалению, мы очень редко бываем в таком состоянии, потому что мы постоянно пытаемся угадать, что от нас ждут, что от нас требуют и чему мы должны соответствовать. И сами выдвигаем такие ожидания, требования и соответствия».

Автор интервью:
Влада Фомина

Маша Куликовская

Вечер, закрытие фестиваля, «Мистецький арсенал» потихоньку пустеет. Холод снаружи и теплый кофе внутри – примерно при таких обстоятельствах мы встретились с художницей, архитектором и активисткой Марией Куликовской.

Начался разговор воспоминаниями о детстве – самой светлой поре у многих из нас.

— Я хотела быть президентом Крыма, балериной, моделью, артисткой, Аллой Пугачевой, еще Жанной Агузаровой, потом — доктором и лечить детей, и знать все растения мира и травы. Но основную мою работу я видела так: сниматься в кино и петь, создавать музыку и действовать через нее. Через различные выступления и свое тело доносить идеи. Ведь я тогда не знала слова «перформанс». Собственно, это все то, чем я занимаюсь сейчас.

Как вы относитесь к современному искусству: это просто самовыражения, или же важнее донести идею?

— Это все вместе. Это и идея, и самовыражение, и анализ. Но в первую очередь это создание совершенно нового языка. Художник придумывает свой собственный язык для того, чтобы показать разные стороны реальности, исказить эту реальность. Чтобы поднять дискуссию, задать вопрос, спровоцировать реакцию.

 Мое отношение к современному искусству является таковым: я считаю, что это основа культуры и общения между людьми в современном мире.

Очень часто современное искусство крайне эпатажное, радикальное, сумасшедшее. Противное, некрасивое, мерзкое. И современное искусство совершенно разное! Есть такое, которое похоже больше

на дизайн, и оно красивое, понятное, приличное. Есть искусство радикальное, политическое, которое сложно воспринимается, вызывает шок. У них разные цели. Так же, как бывают разные люди, разные общества.

— Современное искусство — это метод гуманизации общества, способ дискуссии между разными людьми, которые не понимают друг друга. Современное искусство для того, чтобы говорить о сложных актуальных проблемах и останавливать войны. Для меня, я так выбрала. Это язык любви!

 Ни оружие, ни война, ни насилие не могут так эффективно работать, как искусство и культура.

Люди очень часто не понимают современное искусство. Например, если я сейчас буду говорить на английском языке, а вы его не знаете — вы меня тоже не будете понимать. Вот я говорю о каких-то важных вещах, просто жизненно необходимых, «дайте мне стакан воды!». А вы не знаете английский язык. Так и с искусством — это просто сложный интеллектуальный язык, совершенно отличный от вербального. Там не просто буквы, а много подсмыслов под каждым элементом. И чем больше мы будем провоцировать, чтобы обычные люди, скажем, «пересічні громадяни», учили языки, ходили в музеи, смотрели и смотрели, тем больше они будут понимать мой «английский» и дадут мне быстрее «стакан воды», тем лучше я им объясню, что что-то происходит, и они смогут обезопаситься. Поэтому современное искусство — это способ образовывания людей. Конечно, это самое необходимое,

без культуры человек не может жить. Культура — это зеркало и двигатель прогресса, это абсолютно все.

🧩 В одном из ваших интервью вас спросили, не желаете ли вы вернуться в Крым, и вы ответили, что хотели бы это сделать больше как вызов, чтобы спровоцировать какую-то более жесткую реакцию. Каких целей вы хотели бы этим добиться, какой реакции?

— На самом деле, я бы переформулировала. Я действительно очень скучаю по дому, это правда. Я очень хотела бы поехать туда и увидеться с живущими там родственниками и знакомыми. На сегодняшний момент я думаю о том, чтобы сделать музыку и песню и снять клип в Крыму. Однако я не хочу ни в коем случае создавать сложности людям, которые там живут. Я хотела бы опять поднять вопрос о том, что уже два года оккупация. Два года, а все только хуже становится. Поэтому нужно что-то с этим делать, нельзя оставлять в таком состоянии, как есть. Во всяком случае, спровоцировать Россию, спровоцировать Украину, спровоцировать мировую общественность на то, чтобы решать этот вопрос. Он просто стоит на паузе. Крымские татары и украинцы делают акции — их сажают по тюрьмам,

они пропадают. Потому что нет никакой поддержки, нет никакого продвижения.

🧩 С каким отношением к Вашим перформансам вы сталкивались в Украине и Швеции? В чем была разница?

— В Швеции часто встречаю разную реакцию на свою деятельность. Потому что, по большому счету, у них нет этих проблем. Там абсолютно спокойно ходят однополые и гетеросексуальные пары, целуются, за ручку, не за ручку, как хотят. И живут себе в свое удовольствие. На одной из главных площадей, например, развевается огромный флаг радуги рядышком с флагом страны. Огромное количество моих знакомых гей-пар имеют совместных детей, и это не вызывает никаких вопросов. Наоборот, восхищение.

Мне несколько раз предлагали читать лекции там, потому что они вообще ничего не знают об Украине. Просили рассказать об украинской художественной среде, о том, что происходит, какое движение. И для них это диковинка. Они слышали, что какие-то военные действия, но об этом массово не оповещается, этого нет на телевидении, никто ничего не знает. Очень многие считают, что в Крыму, как и на Донбассе, живет огромное количество

русских, поэтому это естественно, что Крым стал российским. И мне было порой очень непросто — приходилось объяснять ситуацию в Украине, доказывать, потому что присутствовало непонимание.

В Украине кто-то поддерживает, кто-то нет. Больше всего помогают и поддерживают обычные люди. Очень часто узнают, что я — это та девочка, которая лежала под флагом

украинским на ступенях. И мне очень приятно и важна такая поддержка и солидарность. Это очень важно. Люди знают, что все эти акции и перформансы в Питере, Москве, Венеции, Лондоне, Днепрепетровске не были каким-то эгоистичным шагом. Они были не для меня, а для всех. И когда ты даришь любовь, и любовь возвращается — это очень приятно и важно. Но вот в художественной среде далеко не все меня поддерживают или соглашаются.

 Ну, и не надо, чтобы все были твоими друзьями, правда?

«Цветы демократии» многих раздражают. Некоторые нас очень сильно критикуют. Что занимаемся эпатажем, и зачем вообще мы все это показываем, ведь «гипсовые вагины — это же ужасно!»

 Насчет «Цветов демократии»: в одной статье говорилось, что во время акции люди подходили и просили убрать скульптуры, потому что там гуляют дети.

Что Вы можете сказать о том, когда свое неприятие прикрывают заботой о других, и как такие стереотипы могут негативно влиять, например, на детей?

— Считаю, что двойные стандарты и псевдомораль — это очень противно. Но потому-то и возникли и продолжают свое развитие «Цветы Демократии». Очень много женщин, которые не обладают знанием, что же такое настоящий феминизм. Почему мы имеем право сейчас и голосовать, и возглавлять компании. Кто хозяйка своего тела, и что наше тело есть наше тело. Нам говорили и продолжают: «Боже, как вы можете это показывать, тут же дети ходят». У многих сильное неприятие своего тела, женское обнаженное тело, такое как оно есть, без «обработки» рекламой и потребительским отношением патриархата, настолько табуировано, что его не знают, не любят и не принимают таким, как оно есть! Тело — это не гадко. Мы так сделаны, это природа. Очень много было агрессии в Днепрепетровске со стороны мужчин и Правого Сектора. Они не могли даже произнести вслух слово «вагина». А в Киеве, в августе рано утром, в воскресенье, напротив кинотеатра «Жовтень» в течение первых 15 минут акции зачистили все гипсовые вагины. Директор стройки сказал, что им не нужны наши современные скульптуры, инсталляции, перформансы. Чтоб мы шли к Верховной Раде

это все развешивать. Самым главным аргументом было то, что мы якобы оскверняем нашими гипсовыми цветками будущий кинотеатр, в который будут приходить семьи с детьми.

В Днепре был очень интересный момент, когда один из представителей Правого Сектора проявил к нам очень большую отцовскую заботу и сказал:

«Боже, это столько ж труда вы вложили, но вы ошиблись — не в правильном месте все это раскладываете, вам бы в роддом и в ЗАГС».

Как вообще родилась эта инсталляция в виде вагины?

— В 2010 году удалось сделать слепок моей вагины, и у меня возникла идея сделать огромную арку из множества гипсовых скульптур. Как будто арку из цветов. Я предложила это для одной выставки. Мне сказали, что это уж слишком, и что придет министр культуры, или замминистра культуры, поэтому не стоит. Побоялись, что закроют выставку. Тогда я очень расстроилась, потому что на дворе был уже 2011 год, а не какой-то там 209 или 210. И все же моя арка из «цветов» состоялась на групповой выставке «Коллективні

сновидіння», но только в одном из отдельных офисов института Проблем современного искусства. Не в выставочном пространстве и не с произведениями других художников. При входе в комнату с моей аркой повесили табличку «18+», выключили свет — лишь два софита ее подсвечивали (что было очень красиво и драматично). Каким-то образом замминистра культуры Украины все же забрел в мою отдельную комнату. Увидев огромную арку из розовых скульптур, говорят, воскликнул: «О, нарешті квіточки, які гарні!», потом пошел ближе, начал изучать. А когда он понял, что это гипсовые слепки вагины, очень смутился. На следующий день появилась огромная статья, что «Замминистра культуры открывает выставку из вагин». Однако через 15 минут ее зачистили. Моментально удалили со всех ресурсов в интернете. А меня с концами заблокировали на Фейсбуке, и тот аккаунт я так и не смогла восстановить. Это все ханжество и мракобесие, я бы сказала, но было очень феерично. И вот, спустя уже много лет, «Цветы» возродились.

Вообще, если сравнивать 2010 и 2015 год, что поменялось?

— Поменялось многое, у нас была революция, у нас война. С одной стороны, очень много либерализации, огромное количество право-

защитных организаций. Сегодня мы смотрели в самом главном культурном центре и музее Украины фильм об ЛГБТ, люди могут спокойно говорить о своем ВИЧ-статусе и защищать свои права. Я говорю о своем однополем браке и целуюсь со всеми подряд. То есть много либерализации и шаг вперед для нас значительный.

С другой стороны, есть также сильный откат назад. Потому что война. Сейчас символ мужчины как героя, защитника настолько силен, что забывается огромный непосильный труд женщины. Забывается так же волонтерское движение. Да будем честными: экономику страны держат больше всего женщины, потому что даже в крупном бизнесе всегда лидеры мужчины, но все делают и решают женщины. Та же ситуация в нашей Верховной Раде. То есть дискриминация существует.

Мы делаем все еще очень маленькие шажки на пути к настоящей демократизации общества. Например, в Киеве очень бурная культурная жизнь, много инициатив, низовых движений, и все это очень круто. Но я хочу, чтоб этого было больше и везде, не только в городе, а чтобы и села, деревни не были таким отшибом, как сейчас, чтобы осуществлялась децентрализация. Но все-таки позитивных изменений очень много, потому что люди поверили в себя и начали делать.

 На радикальную ситуацию — радикальная реакция. Это как ударная доза медикаментов: когда какое-то воспаление, его нужно удалить.

И к чему Вы пришли за эти 6 лет?

— Меньше улыбаться стала, если честно. В последние два года было очень мало улыбок на моем лице, потому что пришло понимание и осознание сложностей в мире.

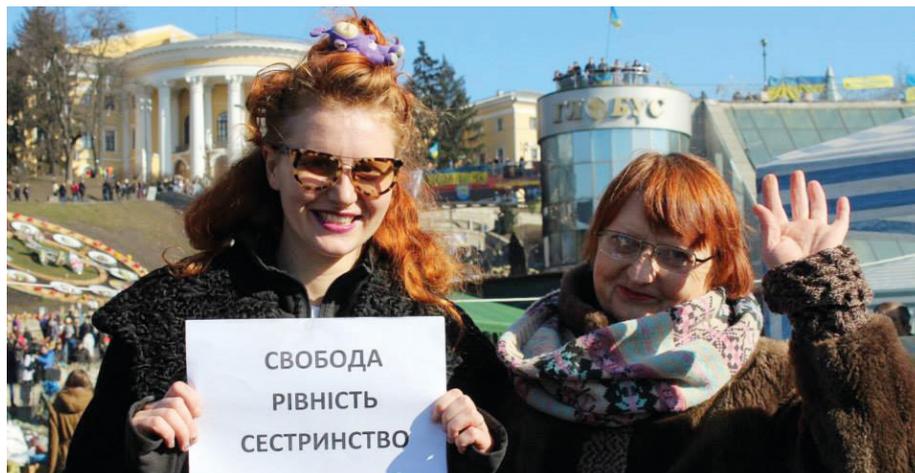
 Я не могу просто закрыть глаза и на это все не смотреть, мне хочется многое изменить. Это как когда

мусор лежит посередине дома — можно не замечать, и он будет расти, а можно его вычищать, убирать.

— Да, многое очень изменилось. Изменилось понимание самой себя. Я стала гораздо увереннее в себе, в своей позиции. А также я поняла, что очень юна и мне не много лет глобально. То есть раньше чувствовала себя гораздо старше. Когда мне было лет 20-23, думала что я такая умная и уже все знаю. А сейчас мне кажется, что я только в начале своего пути, «я знаю, что ничего не знаю». Еще столько путешествовать и изучать этот мир, и наслаждаться им, максимально получать и отдавать вместе. Мне кажется, у меня второй подростковый период. (Смеется.)

Мы знаем, что Вы учили детей современному искусству. Что и как Вы им преподавали?

— Я учила их в первую очередь мыслить. Мыслить и говорить. Современные дети

очень умные, развиты гораздо более нас. Они отлично умеют использовать гаджеты, и у них доступ к информации колоссальный. Мне было около 16-18 лет, когда я только начала пользоваться интернетом и изучать, что это такое. И то это было роскошью какой-то. Компьютер у меня появился тоже в 18 лет, когда я на него сама заработала. Потому что это было очень дорого, и мои родители не могли этого позволить. Но я очень любила библиотеки, я все время туда ходила. Однако для того, чтобы найти что-то в библиотеке, нужно пролопатить много литературы и информации, а в Интернете дети просто за две минуты узнают то, на что мне нужно было,

грубо говоря, два года потратить. Но с другой стороны, есть проблема коммуникации и выражения своих мыслей: они все время читают и поглощают, но не произносят вслух свои мысли и не объясняют. То есть дети не выговариваются.

Когда мы с подругой, Людмилой Булановой, преподавали вместе в Пинчук Арт Центре, то каждый раз, прежде чем объяснить каждое произведение искусства, мы просили детей нам первыми рассказать то, что они видят перед собой. Попробовать разгадать, что же именно хотели сказать художники своими произведениями.

Мы учили их замечать то, что обычно не замечают. То скрытое и самое ценное. Мы учили символам и логике искусства. Точно так же, когда мы приступали к какой-то практической работе, я им давала и просила их находить совершенно разные материалы для их произведений. Они работали и с глиной, и с сахаром, и с солью, и с красками, и друг с другом. Фактически, они создавали постоянный перформанс и эксперимент, поиск. Я обучала их пониманию того, что существует не просто картина, а еще и перформанс, действие, акт.

Надеюсь, что эти дети, которые сейчас уже подросли, — совершенно другие люди, более открытые душой и разумом. И я не знаю, все ли из них хотят быть художниками или искусствоведами, это неважно. Они просто чувствительны к другим языкам, к другим смыслам. Очень важно именно то, что они умеют читать, мыслить, произносить.

 У Вас был перформанс «Музыка неизвлеченных звуков», когда в комнате со звукоизоляцией вы читали притчи, стоя спиной к зрителям. Какие у Вас были ощущения в этот момент, что вы чувствовали?

— Я стояла неподвижно в течение пяти часов в комнате идеальной тишины. Это был огромный бетонный бункер, в котором весь пол и стены состояли из полутораметровых пирамид из минеральной ваты. Пол был затянута металлическими прутьями, и на них я как будто балансировала, стоя спиной к людям, которые заходили. Зрителей одновременно могло быть двое, не больше, и за ними захлопывалась большая двухтонная дверь. Мы оставались один на один друг с другом и слушали себя. Никто бы нас никогда не услышал, даже если бы что-нибудь вдруг произошло. Я оставалась полностью во власти людей, точно так же, как они в моей власти. Нас ничего не разграничивало, они могли подойти близко ко мне и балансировать со мной.

В течение пяти минут я читала этот коан, «Музыку неизвлеченных звуков», а потом давала время послушать тишину. А тишина там настолько идеальная, что это очень страшно, на самом деле.

 Это настоящий опыт и вызов для каждого человека — услышать свой истинный голос. Впервые в жизни, потому что нет в природе такой идеальной тишины, чтобы мы поистине услышали себя.

— Один раз мне было очень страшно. Хотя нет, не один, много раз. Поразному люди реагировали. Помню, одна пара не выходила больше тридцати минут. Они просто сидели и смотрели мне в спину и слушали тишину. Я слышала, как шевелятся их органы, они — мои, как мы моргаем, как дышим. И я в какой-то момент поняла, что начинаю задышаться. Я помню, что поперхнулась своей собственной слюной, потому что у меня было такое ощущение, что из меня просто вытягивают всю энергию. Я стояла к ним спиной, и мой звук поглощался минеральной ватой впереди. Может, они меня не слышали. А может, думали, что так и надо, я не знаю. В общем, мне никто не смог бы тогда помочь. Этот момент балансировки на грани был очень тяжелым для меня опытом. Я очень долго отходила от этих десяти дней.

🧩 В Щербенко Арт Центр Вы проводили перформанс «Без названия». Как люди реагировали на это, восприняли ли ваш посыл так, как вам хотелось, или как-то совершенно неожиданно и непредсказуемо?

— Очень по-разному воспринимали. Я слышала, как кто-то смеялся. Во время перформанса подошел один парень и положил сверху на меня кусок земли, начал смеяться и фотографировать, лезть в мое лицо своим фотоаппаратом, комментировать. Кто-то вместе со мной плакал, кто-то начинал кричать со мной негромко. Кто-то ушел, потому что не мог и не хотел видеть все это, мою боль. Люди реагировали очень по-разному. Многие решили, что этот перформанс неуместный и ни о чем.

🧩 Как Вы познакомились с Жаклин?

— Я попала в шведско-украинский обмен между художниками Ruta Runa. Так мы познакомились здесь, в Украине. Мы очень много говорили о феминизме, о позиции женщины. Она большая активистка феминистского движения, одна из организаторок сейчас очень модного и крупного движения Femtastic и Fatta в Швеции. В этом объединении больше пяти тысяч участниц, которые вместе создают музыку во имя поддержки, солидарности и помощи другим женщинам. Она и другие художники из Швеции изучали ситуацию в Украине и пытались понять, что здесь вообще происходит. Это был 2013 год, они приехали как раз тогда, когда мистер Путин принял известный гомофобный закон, и мы много об этом говорили. А мистер Янукович хотел это повторить. И даже добавить такой закон, что если ты женщина и не родила до 23 лет, или если хочешь получить высшее образование, то должна платить дополнительный налог, штраф. Только потому что ты женщина и должна быть дома, и все такое.

Также Жаклин рассказала о том, что в Швеции министром религии была женщина-священница. И это очень распространенная практика. Религия у них не официальная, она совершенно не связана с политикой и государством, и поэтому никак не влияет на жизнь людей. В Швеции религия — это выбор каждого. Это все меня настолько впечатлило и потрясло, что я решила сделать протестную акцию, перформанс, а именно жениться на Жаклин. Сделать это как вызов обществу, в котором хотели принять закон, согласно которому я должна была бы платить штраф, потому что мне 25 лет, а еще не родила и магистр архитектуры. Или где в конституции написано, что брак и любовь — это отношения между мужчиной и женщиной (только). Тогда у меня появилось огромное желание поговорить не только о позиции женщины в Украине, но и о ситуации с ЛГБТ-сообществом, а также иммигрантами. В Европе я ведь автоматически становлюсь иммигранткой с восточной Европы, а там очень распространены по сей день такие утверждения, как «ааа, ты из Восточной Европы, а оттуда одни сплошные проститутки приезжают».

🧩 Ты всегда должна иметь право сказать: «Нет, это моя территория, моя граница, сюда, пожалуйста, не заходите».

— В августе, во время второй части нашего обмена, я приехала в Швецию на две недели, и в первый же день предложила ей разделить со мной «судьбу» этой акции. И Жаклин как художница,

активистка, феминистка, сразу же согласилась провести такую радикальную для Украины акцию, которая совершенно не является радикальной в Швеции.

 Как, по вашему мнению, можно популяризировать феминистское искусство? Ведь люди часто воспринимают его в штыки, и получается обратный эффект. Вместо того, чтобы привлечь других, люди становятся агрессивными, ведь им показывают то, на что хочется закрыть глаза.

— Во-первых, должна существовать государственная политика, которая является примером для общества. Никакие гомофобные выражения не должны звучать с трибуны официальной политики и власти. Начиная с детского садика, людей должны учить толерантности, равенности полов и прав. Сейчас нужны радикальные методы и частные образовательные пути решения. Мы должны объединяться и продолжать говорить, распространять идеи гуманизации, как вирус. А это возможно путем художественных провокаций, благодаря акциям, образовательным лекциям и объяснениям, которые должны расти везде, как грибы. Да, когда-то это будет.

Кроме того, я не верю в вип-феминизм, когда только успешные женщины рассказывают, какими мы должны быть, чтобы достичь успеха и признания. Говорить должна каждая женщина, делиться своим опытом. И негативным, и позитивным. Я верю в движение акций. Вот вчера после моей лекции был эфир на Громадському TV, у Кати Сергацковой, по поводу сексизма и IT-технологий, из-за того, что был фб-скандал. Один из лидеров ведущих айтишников-мужчин опубликовал пост в духе: «Милые дамы, если вы хорошо умеете варить кофе, вы милы и красивы и ла-ла-ла, пожалуйста, приходите

к нам в офис, потому что наши айтишники очень устали, и надо, чтобы вы ухаживали за ними, и тогда вы найдете себе, возможно, хорошего супруга, это шанс для вас». Это, конечно, не смешно, он не хотел никого обидеть, просто подобные высказывания считаются, к сожалению, нормой.

 Для того, чтобы изменить это, нужно реагировать и говорить: «Нет, вот мое пространство — пожалуйста, уважай его. Я не „телка“ на „кабла“, чтобы только носить тебе кофе, я — человек».

— Это право каждой женщины, поэтому то, что я делаю — не радикально. Хотя и часто воспринимается в штыки. Кстати, очень интересно, что когда реакция негативная — то это лишь первая реакция. Человек часто может среагировать очень негативно и чего-то бояться, но все-таки ему очень интересно. Поэтому негативная реакция — это тоже реакция, она провоцирует на дальнейшее исследование, потому что взгляд и внимание будут все время работать, искать ответ на вопрос «почему?».

Я, конечно, не призываю никого резать друг друга и убивать, но поднимать вопросы дискриминации нужно. И необходимо показывать, насколько это плохо.

И вот интересный момент. На вчерашней встрече с Катей была также Оксана Борисенко, она сейчас замминистра экономики Украины. До этого она была волонтером, потрясающая девушка. Вот только родила ребенка месяц назад. И говорит мне: «Маша, а откуда Вы берете деньги на Ваши акции?». Я отвечаю: «Со своего кармана. Я работаю и откладываю деньги». И так все участницы «Цветов Демократии», по большей части. Что-то зарабатываю — 90% уходит на акции и проекты, раз в месяц схожу в кафе и раз в год себе кроссовки новые прикуплю. Тогда она говорит: «Пожалуйста, сконтактируйся со мной и дай мне знать, если вам нужна будет поддержка в организации акций, я тебе помогу с грантами и все объясню». И она не является министром экономики, но его заместителем. И что самое интересное, весь штат в экономическом отделе — это женщины, получившие потрясающее образование. В Гарварде, Оксфорде — по всему миру. Это очень круто, это огромный шаг вперед и поддержка друг друга. Я думаю, что все вместе мы многое сможем изменить.

 Что бы Вы хотели пожелать нашим читателям? Может быть, у Вас есть для них какие-то советы или предложения?

— Я бы посоветовала верить в себя. Может быть, я скажу очень банальные вещи, но когда я приехала в Киев поступать в строительный техникум на отделение архитектуры, у меня были потрясающие результаты по математике и физике, я прекрасно рисовала и все такое прочее. Однако у меня даже не хотели принимать экзамены, потому что там была страшная коррупция, и они требовали от меня и моей мамы деньги. Тогда, в 2003 году, мне было только 15 лет, но я принципиально сказала: «Нет, я пойду сдавать экзамены». Я поступила — и меня ненавидели за это, потому что таким образом забрала чужое место, которое было проплачено.

И в течение четырех лет обучения было много всяких издевок и неприятных моментов. Меня даже пытались выгнать. Но я добилась того, что выиграла президентскую стипендию два семестра подряд, и получала больше денег, чем преподаватели в качестве зарплаты. Эта сумма уходила на помощь семье, мне и особенно моей маме, которая заболела и стала инвалидом, а у нас не было денег даже на операцию. Потом, когда я закончила техникум, я мечтала поступить в Художественную академию. Там была такая же история с коррупцией, со взятками, связями. И я помню, что у меня было 80 гривен, я их сохранила, кушала одну манку на воде и жила в ужасном общежитии, расплачивалась картинками, только для того, чтобы ходить на экзамены и поступить. Я настолько фанатично верила в свою мечту, что мои результаты были самыми высокими, и они просто не могли меня не принять. И опять повторилась та же самая история. Теперь у меня происходят классные проекты, я езжу по всему миру, встречаюсь с потрясающими людьми. Я считаю, что это только начало моего пути, потому что мне очень мало лет. И я могу сказать, что вера в любую идею делает возможным все. Только эта идея должна быть гармонична и не для того, чтобы убивать кого-то. Нужно делать хорошие дела и реализовываться. Тогда возможно абсолютно все, просто нужно верить.

Автор интервью:
Ангелина Сардарян

Инга Шляева

В этот раз TEENERGIZER! встретился с кантри менеджером Janssen, Главой представительства компании Johnson & Johnson в Украине Ингой Шляевой, которая рассказала о том, как бросила все ради своей мечты и уехала за три тысячи километров, как пела у костра с гитарой, как менялось ее восприятие мира через года.

Возраст семнадцати лет был переломным в жизни Инги. Время, когда поменялось все и сразу. Это была та последняя граница от простых надежд и желаний до их реализации.

— В 17 лет я помню себя счастливым человеком, потому что передо мной открывался целый мир. А было это в 1983 году, когда я окончила школу и очень хотела стать врачом для того, чтобы лечить людей и помогать им. В общем, это была очень сильная для меня цель. И я приложила много усилий для этого, чтобы действительно эта мечта реализовалась. Я поступала в мединститут в городе Харькове и не поступила, поэтому начала свою трудовую деятельность санитаркой.

Решив, что всего в жизни нужно достигать самой, Инга в 18 лет уехала учиться в мединститут в столицу западной Сибири, город Омск. Так она поняла, что самостоятельная жизнь для нее уже началась.

— Это было целых три тысячи километров от дома и семья моя, конечно, была в полном ужасе от такого решения. Очень давно мои родственники жили в Сибири, рассказывали, что там живут насто-

ящие, хорошие люди, что там можно всего достичь самому... Такой юношеский романтизм! И я пошла, наверное, по самому сложному пути, никто не ожидал от меня такого решения, даже я. Я села в поезд и трое суток ехала, приехала, сдала документы и поступила на лечебный факультет.

Самостоятельность в Инге проснулась в 17 лет, появилось ощущение, что она уже взрослая и должна сама нести ответственность за свою жизнь. И даже если будут поспешные решения или ошибки — это будут ее решения и ее ошибки.

Инга всегда мечтала быть врачом, помогать людям. И это несмотря на то, что родители ее были отнюдь не медицинских специальностей, а технических, а Инга окончила школу, которая специализировалась на математике. Путем наименьшего сопротивления для нее было бы поступление в технический вуз. Но Инга последовала за мечтой.

 К переменам и сложностям нужно относиться, как к новым возможностям. Это не кризис, это новая реальность, новая перспектива. Все наши ограничения только внутри нас самих, нашего восприятия мира. А мир может быть совершенно другим. Вы внутри мира, а не вне него, вы часть этого мира. А мир действительно прекрасен. И прекрасная страна, в которой мы живем, и прекрасные люди, которых мы встречаем. И объединившись, мы конечно можем менять мир к лучшему. Все это в наших силах.

ПЕРВАЯ РАБОТА САНИТАРКОЙ ОПЕРЬБЛОКА ОНКОДИСПАНСЕРА

Поступив в институт, Инга устроилась на работу в больницу и не теряя времени начала набираться опыта.

— Я была санитаркой, мыла квадратные километры больничных палат, коридоров, лестниц, у меня не было никакой специальности, только желание работать в больнице. Я поступила в мединститут, работа в больнице была для меня самой важной. Потому что я была уже в лечебном учреждении и по чуть-чуть начинала понимать, как устроен весь процесс. Работая медсестрой, я ассистировала на операциях хирургам. Все это было для того, чтобы лучше понять структуру медицинской помощи и вносить в нее свой вклад. То, что я работала санитаркой, никак не ущемляло меня внутренне, абсолютно. Наоборот, мне казалось, что те 80 рублей, которые я получаю в месяц — это мои деньги, которые я сама заработала и которые позволят мне как-то жить и не просить ни у кого материальной помощи и учиться дальше.

ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»

С детства Инга мечтала повидать мир. Посмотреть, как же живут люди за «железным занавесом», чем они отличаются. И с удивлением позднее открыла для себя, что практически ничем.

— Первый город, который я увидела, был Париж. Я была счастлива, безмерно (смеется). Так говорят, что «увидеть Париж — и умереть», но умирать совершенно не хотелось, хотелось опять вернуться, потому что ноги были стертые просто до крови от этих прогулок с утра до поздней ночи. За несколько дней, которые мы были в Париже,

мне кажется, что я увидела все, что вообще могла увидеть. Я посетила музеи, Версаль, Лувр. Конечно это было потрясающе. Безусловно, чем больше я видела мир, тем больше понимала, что люди везде, в принципе, похожи. Сталкиваются с такими же трудностями, как и мы, сложностью выбора.

 Всегда есть сложность выбора, потому что каждый день — это новый перекресток, по которому ты должен идти — направо, налево, или вперед. Конечно, нужно выбирать «вперед». Вперед — наибольшее сопротивление, но другого выбора нет, только вперед.

— Все люди, к которым я обращалась за советом, за помощью, как пройти, как найти, где метро, где вход, где выход, всегда все люди откликались, помогали. Ни в какой стране мира я не видела такого, чтобы, когда кого-то просишь о какой-то помощи, даже элементарной, чтобы вам не помогли. Мир очень добрый, и в Украине очень много добрых людей, просто людям надо улыбаться, быть открытым. Не думать, что есть какие-то предубеждения. Все предубеждения есть только в наших головах. Быть открытым, не бо-

яться делать шаги навстречу. И люди вам сделают такие же шаги навстречу. Однозначно!

⚡ ЧТО ПРИВЕЛО К ТОМУ, ЧТО ЕСТЬ СЕЙЧАС...

Здесь мы решили спросить Ингу, что же все-таки могло повлиять на нее как на личность, что могло привести к тому, что есть сейчас.

— Это очень сложный вопрос. Безусловно, на нас влияет окружение, те люди, с которыми вы рядом. Те люди, которые составляют круг вашего общения, те люди, которых мы любим, которые любят нас, с кем мы связываем свою жизнь, кого выбираем. Потому что и кого мы выбираем, нас выбирают. Очень много зависит от того, кто с вами рядом. Я бы советовала к выбору друзей и к выбору людей относиться серьезно, этот выбор в определенном смысле определяет нашу жизнь. Конечно, книги, которые мы читаем, фильмы, которые мы смотрим. Очень много зависит от нас самих. Я всегда понимала, что все, что я сделала — это и есть моя личная ответственность. Никто не виноват, кроме меня. Вообще нет никаких обстоятельств, есть только мое решение. И конечно, как каждый человек, я принимала много решений, которые потом были, может быть, ошибочными, но это были мои ошибки. Я старалась никогда не думать, что кто-то виноват. Я все время старалась понять, что я сделала не так, где я ошиблась, где я приняла не то решение, а можно было поступить по-другому. Вот, поэтому все всегда зависело только от меня и я не могу сказать, что кто-то один очень сильно изменил мою жизнь. Ну, это комплексно могло быть, но одного человека я не могу так припомнить или выделить, что вот этот человек мне сказал: «Иди направо», я пошла, а там — цветущие сады. Всегда как-то... я не знаю, мне кажется, что это просто надо понять и принять самостоятельные решения в жизни.

 Мир и судьба человека в руках человека. В его поступках, в его мыслях, в его намерениях, в его планах.

⚡ ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Сначала Инга работала врачом, преподавала студентам. Это был воспитательный период, когда открыв что-то для себя, она могла делиться этим с другими. Но пора было идти дальше.

— В 1997 году одна фармацевтическая компания предложила мне работу, и я сделала этот шаг. Перешла из здравоохранения в фармацевтическую компанию. Здесь было очень много вызовов, потому что это была совершенно новая профессия, в которой надо было состояться. Это было началом совершенно другого пути. Я работала медицинским представителем, потом региональным менеджером, потом коммерческим директором, потом и сейчас Кантри менеджером Janssen, Главой представительства компании Johnson & Johnson в Украине.

Инга рассказывает, что само движение было мотивацией, вдохняло ее.

— Я понимала, что в какой бы профессии я ни была, я должна в ней состояться. Я закончила MBA бизнес-школу в Киеве. Это был полный курс MBA, три раза в неделю, вечерняя форма обучения. Вторник, четверг, суббота, 26 месяцев подряд. На тот момент я работала коммерческим директором одной из крупнейших корпораций и у меня

был совсем маленький ребенок. Вот это была настоящая жизнь. Настоящая жизнь — это когда у вас много задач, и вам нужно очень много успеть в определенный короткий промежуток времени. MBA бизнес-школа учит администрированию, маркетингу, менеджменту, пониманию тенденций развития мировой бизнес-среды, ее влияния на деятельность компаний и формированию подходов к определению эффективных путей достижения конкурентных преимуществ в бизнесе — это как самое высшее образование. Мне повезло стажироваться Tepper School of Business — одной из наиболее рейтинговых бизнес-школ США при университете Карнеги Меллон (Питсбург, штат Пенсильвания). И это был огромный опыт общения с совершенно разными, очень интересными людьми.

— Люди, с которыми я училась, были из совершенно разных сфер бизнеса. Международный Институт Менеджмента — с моей точки зрения, наилучшая бизнес-школа в Украине. Я однозначно расширила мой горизонт. Горизонт в бесконечность... Учиться надо всегда, пока вы живы, всегда. Надо соответствовать тому времени, в котором вы живете. В этом времени вы должны четко понимать, какие задачи, какие вызовы и какие наилучшие решения вы можете сделать. Если бы мне в жизни выпало такое счастье поучиться еще где-то, я бы с удовольствием поступила в DBA бизнес-школу. Это невероятно интересно.

САМАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ

Инга рассказывает, что на данный момент, когда детские и юношеские желания уже воплощены в реальность, у нее появилась новая, самая глобальная цель.

— У меня есть сын, которому 11 с половиной лет, и он только начинает свою жизнь. Мне бы очень хотелось, чтобы он вырос настоящим

человеком — добрым, отзывчивым, открытым, коммуникабельным, умным. Воспитание детей — самая сложная задача в жизни. Мы думаем, что мы детей воспитываем, но на самом деле дети воспитывают нас. Моя самая глобальная задача — чтобы мой сын, Миша, нашел свою дорогу в жизни, чтобы я, если смогу, смогла ему в этом помочь. Но он должен сам этого хотеть и понять, что для него важно. А мне нужно работать над собой, чтобы я смогла его отпустить от себя в его самостоятельную жизнь.

Сейчас Инга очень любила ходить в кино, это помогает ей сблизиться с сыном и начать лучше его понимать.

— В кино я хожу всегда с сыном, а смотреть фильм на большом экране, конечно, гораздо интереснее чем в компьютере, или в айпэде, или в телевизоре. Конечно, мне хочется понимать мир Миши, и я всегда стараюсь ходить на те фильмы, которые прежде всего интересны ему. Я должна понимать, что для него важно, потому что я не могу навязывать ему то, что важно для меня.

Самое сложное в воспитании ребенка — направлять, но не внушать. Поэтому Инга старается прислушиваться к сыну.

ГАРМОНИЯ

Помимо медицины Инга увлекалась множеством других вещей, которые, на первый взгляд, даже «не вяжутся» с образом «строгой руководительницы успешной корпорации».

— В каждом периоде жизни у меня были совершенно разные интересы. Когда-то мне захотелось, чтобы у меня была дача, был огород. И я очень хотела там выращивать и цветы, и помидоры, и кар-

тошку. Работать на земле, что-то растить, полоть, поливать, получать какой-то даже микроскопический урожай. Я смогла посадить картошку, вырастить и выкопать ее. Я была горда своим урожаем. Потому что когда я занималась работой на земле, я чувствовала, что это время для меня подумать, поразмышлять, это было очень позитивное время. Это физический труд, это возможность социализации. И вот несколько лет назад у меня появилась дача, где я с огромным удовольствием занимаюсь этим скромным сельским хозяйством. Чувствую себя агрономом, любителем. С одной стороны, такая радость — есть свои помидоры, которые ты сам вырастил. Но с другой стороны, я думаю, что труд на земле делает каждого из нас добрее, и как-то более помогает находиться в ритме жизни, потому что последнее время все убыстряется и меняется. Все, что раньше тянулось годами, может произойти теперь за один день.

 Потом у меня был такой период, когда я увлекалась рисованием, я нарисовала десяток картин.

Это тоже было для меня таким открытием, насколько это интересно и насколько рисование может быть сильным увлечением. Акрилом. До масла я еще не добралась (смеется). В общем я нарисовала порядка десяти картин, эти картины моя мама развесила у себя на даче. Для меня важно, что мои «полотна» теперь у моей мамы. Чтобы совершенствоваться дальше в рисовании, конечно, мне необходимо брать уроки. Я ничего не понимаю и все делаю как бы по наитию, но был такой период, когда очень хотелось ри-

совать. И я буквально бессонными ночами бралась за кисточку, холст и что-то рисовала. Почему-то темой всегда была природа, мне нравилось рисовать цветы, деревья. Да, природа. Не города, не люди, а деревья, цветы, весна — гармония. Сейчас? Даже не знаю. Надо что-то придумать новое, придет само собой. Сейчас ничего нового по сравнению с тем, что было. Очень быстрый ритм жизни, очень много изменений, к которым надо адаптироваться. И только вперед.

— Какую бы книгу или фильм вы могли бы посоветовать нашим читателям и читательницам?

— Мне нравится Булгаков, Хемингуэй, Мюллер, Достоевский... Это классики мировой литературы. И конечно, я считаю, что каждый человек обязательно «должен» знать мировую литературу, которая вообще достояние всего человечества. И в произведениях таких великих авторов выделить только одну книгу невозможно. Там вы найдете колоссальные мысли и поймете, что все, что происходит с вами, уже с кем-то происходило. И что самое, казалось бы, необычайное горе уже происходило с людьми. Многими-многими-многими. И, может быть, есть какие-то рецепты, есть какие-то мысли, которые вам помогут справиться с тем, с чем вы не можете справиться самостоятельно. Потому что не всегда то, что происходит внутри одного человека, можно рассказать другому человеку. Это иногда бывают очень личные переживания. Но найти ответ в книгах однозначно можно. Потому что мировая литература — великая! Ответы есть на все вопросы. Но опять-таки, это определенное время, это определенная задача, конечно гораздо проще посмотреть фильм, или что-то там в фейсбуке, или еще что-то. Поверхностно как-то искать ответ. А все ответы надо искать гораздо глубже. Поколение молодых людей, мне кажется, не придает должного значения мировому литературному

наследию, в нем есть очень много, это целый литературный мир, который духовно обогатит вас, и меня, и всех людей.

Правда, сейчас у Инги профессиональной литературы — непочатый край.

— Очень много изменений, которые происходят на уровне законодательства в нашей стране, — объясняет Инга. — Нужно следить за современными тенденциями в мире, изменениями в области фармакологии, инновационными методами лечения.

 Я все время задаюсь вопросом, откуда же люди находят такие слова. Вот как они приходят им в голову и они могут ими поделиться. Это, конечно, талант.

Инга делится, что некоторая музыка с юности осталась с ней, и чем дальше, тем прекраснее она звучала. Что некоторая музыка находит отклик в самом человеке, а это и есть настоящее искусство.

— Конечно, в юности, мне очень нравилось творчество группы ABBA, особенно, когда я начала понимать тексты, о чем они поют. Это прекрасная музыка, прекрасные слова, отличные мелодии. Еще очень нравится Океан Эльзы. Люблю в машине слушать.

«С ВЫСОТЫ ВАШЕГО ОПЫТА»

— Какой совет вы могли бы дать молодому поколению, так сказать, «с высоты Вашего опыта»?

— Знаете, высоты своего опыта я не ощущаю... Потому что считаю себя очень молодой, потому что у меня все равно все еще впереди (смеется).

Всю жизнь можно и нужно учиться, не бояться трудностей, всегда верить в себя. Всегда быть позитивным и никогда не думать, что весь мир сговорился против тебя. Такого в принципе не бывает. Весь мир создан только для тебя! Для каждого человека, для каждого из нас! Не бояться жить. Не бояться того, что будет завтра. Никого не обвинять в том, что получилось или не получилось. Всегда стараться быть открытыми миру. Всегда верить, что мир прекрасен, и такое счастье жить.

Жизнь — это всегда подарок, потому что все люди, вот все-все-все, кто родился, проходят через свой жизненный путь, да? И у каждого он абсолютно индивидуальный. Но каждый человек выбирает свой путь. Выбор всегда за вами, за мной, за всеми. И тот выбор, который вы делаете, определит вашу жизнь. И главное — делать этот выбор. Не ждать, что кто-то когда-то... Вот вы встретите какого-то человека, и он вам подскажет: иди вот туда. Вы должны сами для себя стать таким человеком и руководить своей судьбой. За вас навряд ли кто-то знает, что вам делать — вы сами все знаете.

В любом периоде жизни всегда есть прекрасные моменты. То, что мы говорим, что сначала человек подросток, потом он взрослый, потом еще взрослее, — то возраста на самом деле нет. Все, как ты чувствуешь, как ты хочешь жить, все мечты и планы, так с вами и будет, и с нами со всеми так будет. Надо работать над собой. Но над

собой, знаете, работать всегда очень тяжело, как из болота тянуть бегемота. В этом смысл. Каждое утро вставать и идти. Вставать и идти. И новый день всегда предложит что-то новое, какое-то новое решение или еще что-то. Конечно, надо обязательно работать. Обязательно работать. И любая работа заслуживает огромного уважения. Ни в коем случае не нужно рассчитывать на то, что кто-то вас будет содержать. Ну вот, особенно, когда читаешь «Как выйти замуж за миллионера?» или еще что-то, какой-то дедушка там оставит наследство, ну это бред, да-да, дядя из Америки. Но с неба ничего не упадет. Надо работать. Не бояться никакой работы. Любая работа заслуживает огромного уважения. Любая работа даст новую работу. Так что, в принципе, все очень хорошо.

И конечно, особенно для подростков, живущих с ВИЧ, я бы искренне желала не заикливаться на этом. Конечно, надо заботиться о своем здоровье. Надо обязательно принимать лечение, если это необходимо. Но нужно думать также о том, что очень много людей, страдают, к сожалению, другими заболеваниями. Надо просто научиться с этим жить. Принять все, как есть, и жить совершенно нормальной жизнью. Планировать, любить, чтобы дальше обязательно были дети, чтобы жизнь продолжалась. Ни в коем случае не становиться в позу, что я особенный и мне не повезло. Потому что кому-то не повезло еще больше, а кому-то еще больше. Все в сравнении. Думайте о том, что надо строить свою жизнь, надо зарабатывать на хлеб, надо выбирать себе друзей и быть открытым. Уметь дружить, потому что дружить — это же отдавать, делиться. Делиться тем, что у вас есть материальное и делиться тем, что у вас есть духовное. Для того, чтобы у вас было что-то духовное, нужно быть настоящим. Это всегда для всех задача.

Не за горами тот день, когда человечество победит ВИЧ, развитие инноваций и новые молекулы в ближайшие годы оставят этот

диагноз в прошлом. Я абсолютно уверена в этом и нет никаких сомнений, что так будет!

 Мы очень стараемся, чтобы люди жили полноценной жизнью, радовались каждому дню и смотрели с оптимизмом на все, что нам жизнь предлагает. Счастья жить и верить! Всегда рядом с Вами, Ваша Инга.

Автор интервью:
Ангелина Сардарян

Михаил Родионов

*«Скопилось много сумасшедшей
всякой ерунды» – интервью
с Михаилом Родионовым.*

Недавно в киевском клубе Atlas прошел концерт московского исполнителя Михаила Родионова, музыканта, который несколькими аккордами может нарисовать перед слушателем новый мир. Teenegizer удалось пообщаться с ним и выяснить, каково было начинать сольную карьеру и что же все таки главное в искусстве.

🧩 Что Вас вдохновляет на творчество? Может быть, была какая-нибудь встреча, которая Вас сформировала как личность?

— Раньше музыка вдохновляла новая. А сейчас я даже не знаю.

🧩 Музыка, которую Вы писали?

— Чья-то, а не моя. Раньше группа Veirut меня вдохновляла, Вертинский. Сейчас я просто очень мало слушаю новой музыки. Получается, меня ничто не вдохновляет.

🧩 Почему стихи Есенина?

— В школе я участвовал в конкурсах поэтического чтения и как-то раз услышал, как какой-то парень читал Есенина. По-моему, «Черного человека». Понравилось прочтение и, соответственно, лирика. Потом писал музыку, текста не было. Я просто открыл книжку, и некоторые вещи подошли.

🧩 У Вас в песнях очень часто встречается мотив моря, океана. Почему именно этот образ?

— Это секрет, пока не могу сказать.

🧩 Какими видами искусства Вы интересуетесь кроме музыки?

— Рисую всякое. Графику. На пленэр вот ходили. Ну, кино вряд ли. Я все-таки считаю, что кино меня не так интересует. Летом очень много рисовал, мне кажется, даже больше, чем играл. Скопилось много сумасшедшей всякой ерунды. Раньше фотографировал, сейчас уже нет.

🧩 Есть кто-то, на кого Вы ориентировались?

— Я ни на кого, в принципе, не ориентировался. Были влияния, но не более. У меня нет каких-то целей. То есть я просто сажусь и делаю. Никогда не было какой-то мотивации выступить, стать звездой, что-то такое. Я просто садился и в свое удовольствие что-то «пиликал».

🧩 То есть в искусстве Вы считаете главным самовыражение?

— Да, мне кажется, что в целом не надо ни за какими целями гнаться. Крутое творчество, как по мне, это то, что исходит от души... Что-то настоящее. Что-то настоящее не может быть создано в погоне за какой-то целью. Это должно само по себе рождаться, как мне кажется. Это сложно объяснить, серьезно. Очень странная штука.

🧩 В Вашей музыке сейчас изменился немного стиль, вы раньше говорили, что не хотите внедрять электронику, а сейчас все наоборот.

— Никогда не говори «никогда». Действительно, было такое интервью. Это был, наверное, год 2011, и меня тогда интересовали только акустические инструменты. Но, видимо, стало мне скучно играть только на укулеле, на гитаре, и так меня понесло в мир поливоксов.

Но я, наверное, не тот музыкант, который будет использовать одни и те же схемы постоянно. Мне нравится использовать очень странный инструментарий. Также аппарат у меня своеобразный. То есть, если вдаваться в подробности, то у меня два трека. Я включаю подложки, которые записаны под каждый трек, первый и второй. Соответственно, у тебя есть гармония и бит. Аппарат ограничивает, и ты не можешь, например, больше одной гармонии вставлять в песню.

Как Вы видите себя в будущем, какое развитие?

— Не знаю. Не исключено, что я вообще не буду заниматься музыкой. Все может быть. Я стараюсь не задумываться над этим.

Автор интервью:
Ангелина Сардарян

Василий Попадюк

Скрипач-виртуоз Василий Попадюк и его Para Duke Band ежегодно играют более 150 концертов по всему миру. Артист живет в Канаде, однако чувствует себя украинцем и репрезентирует культуру Украины.

Teenergizer'у удалось пообщаться с артистом и узнать подробности его жизни.

Ким ви хотіли стати у дитинстві?

— У мене ціла династія музикантів: дід, тато та брат, а мама — хореограф. Тобто в мене не було вибору особливого. Я з 4 років займався музикою. Спочатку фортепіано, у 6 років — скрипка, а в 7 років вступив до спеціалізованої школи для обдарованих дітей імені Лисенка. Потім консерваторія і так далі.

Тобто у вас не було вибору, це було як обов'язок?

— Ні, я любив музику з дитинства. Я був у цьому музичному середовищі. Тато постійно гастролював, мама також. Я постійно був за сценою, коли вони виступали. Усе дитинство в цьому. Авжеж, мені це подобалось.

З якими труднощами ви зіштовхувалися на початку музичної кар'єри?

— По-перше, не всі діти люблять займатися, усі відразу хочуть грати. А не гами усілякі грати по 3–4 години на день. І в школі у нас, крім всіх тих музичних предметів, ще і загальноосвітні є. Тобто треба було вчити і математику (її ніхто не вчив, зрозуміло), хімію, фізику. Але в основному весь акцент робився у школі на музику. Заняття кожен день. У всьому Союзі було 10 класів, а у нас 11 класів. Це республіканська школа при консерваторії, тобто у нас викладали педагоги з консерваторії. І мені пощастило, що я застав ще стару плеяду і вчився у професорів, які працювали не за гроші, а за ідею, щоб їх учень або студент став ліпшим. У нас, як би мовити, школа була повністю антирадянська.

Жорстока школа, бо 4 та 8 клас конкурсні, після них відсіювали половину, і до школи вступали інші діти. Якщо вас відсіяли після 8 класу, то ви дуже нещасна людина, бо, крім музики, там нічому доброму не вчили. Якщо дитина йшла в загальноосвітню школу після 8 класу, то вона нічого не знала, їй було дуже важко. Дуже багато було трагедій. Ну, така була жорстка система.

 Ми конкурували один з одним уже з дитинства.

Які у вас були інтереси, окрім музики?

— Я грав у футбол. До того ж, ми у школі зробили гурт, я грав там на гітарі. Нам було по 12–13 років, ми вже виступали на весіллях. У селах, щоб ніхто не знав.

 Заробляли гроші і не могли поділити, бо ніхто не вмів рахувати.

Грі на гітарі навчились самостійно?

— Можна сказати, так. Скрипка і фортепіано — це основні, потім гітара, усім народним інструментам мене тато навчив. Потім, коли я жив у Москві 6 років, я працював у театрі Назарова, там ми вивчали різні культури, різні інструменти. До Москви я поїхав відразу після армії, у 20 років.

Яка була ваша перша робота?

— За те, що ми грали на весіллях, нам платили гроші, тож це можна вважати роботою. На сцені я був з 7 років, у 10 — вже за кордоном, у Братиславі тоді ще. Це були не конкурси, а саме концерти, хоч і не сольні. Тоді нікого не випускали за кордон, а тато працював у хорі Верьовки й об'їздив у 70-х роках весь світ. І Латинська Америка, і Японія, і Америка, і Канада. Мама працювала у Палаці Піонерів і від нього ми їздили у Німеччину, Чехословаччину ще за Радянського Союзу. Щоб поїхати до Німеччини грати у міжнародному таборі на дискотеках, ми мусили стояти перед цим 2 тижні у музеї Леніна біля пам'ятника в караулі. Дурдом такий був.

Який найяскравіший спогад з цих поїздок?

— Коли я був у армії, я грав в ансамблі і ми були у Тунісі, Африці. І там ми грали концерт у Карфагені. Це дуже, дуже цікаво. Жива акустика, неймовірно.

Як ви потрапили до Москви?

— Коли я вчився у Києві у консерваторії на стаціонарі, театр Музики народів світу союзу ССРСР оголосив конкурс. Ми були культурною програмою Горбачова, визитівкою. Я представляв Україну, хтось Грузію, хтось Азербайджан, хтось Вірменію... Нас понабирали з усіх республік.

Потім на останньому курсі мені сказали «ну ти вообще опух», і я перевівся на останній курс на заочний у Львів, склав тільки іспити і диплом дістав, ось так.

 Я потрапив туди і, можна сказати, працював у Москві і вчився на стаціонарі у Києві.

У вас був наставник?

— Ви потрапляєте в цю школу і вас міняють повністю. Школа циніків. Мій педагог емігрував ще за часів Радянського Союзу в Данію. Володимир Новак, він грав там у королівському оркестрі. Я чув, що він досить довго жив. У школі це клас педагога такого-то. Він викладав, але у нього учні були з різних класів. З першого, з четвертого, з одинадцятого, з восьмого. Але ми ніби представляли клан цього педагога.

Що ви відчували перед першим виступом на сцені?

— Я не пам'ятаю, мені було або 6, або 7 років, і переживань ніяких ще тоді не було. У мене рідко бувають переживання взагалі. Бо, у першу чергу, так нас виховали у цій школі: я граю не для людей, а для себе, і мені все одно, як хто оцінює. Сподобається — о'кей, не сподобається — сорі, саме головне, щоб подобалось мені.

Під час подорожей ви сумували за Києвом?

— У мене відсутня така штука як ностальгія. Її немає, просто немає. Я ніколи не сумую за містами. За людьми — можливо. Зараз я більше всього сумую за своїми дітьми. У мене їх троє — усі доньки. Їм шість, одинадцять та двадцять. Цікаві дуже. Народились вони у Канаді. Там я відчуваю себе вдома. Я там більше спілкуюсь українською, ніж у Києві.

Ви брали дітей з собою на гастролі?

— Так, вони зі мною в Америку їздили, в Україні були, їм сподобалось. Коли мама кудись їде, або в Європу, або ще кудись, то на мене «скидають» їх, доводиться тягати з собою.

Що їх зараз цікавить? Вони займаються музикою?

— Вони займаються на фортепіано, фігурним катанням. Старша вже в університеті. А коли була молодшою, займалась балетом. Зараз ті дві кумушки також займаються балетом, математикою. Вони дуже зайняті. Софійці, якій 11, більш за все подобається фігурне катання.

Молодша теж ходить на фігурне катання, але так... Фортепіано з-під палки. Але я ніколи б не хотів, щоб вони були музикантами. Хай просто для розвитку.

Музика — це така штука, де треба бути або на перших ролях, або ліпше цим не займатись.

Тому що це не така легка річ. Лікарі — о'кей, адвокати — о'кей, такі спеціальності. А музикант... Для загального розвитку — супер, хай знають і фортепіано, і балет, я ж не хочу, щоб вони і балеринами були. Фігурне катання — то, можливо, будуть успіхи. У Софійки тренер — росіянин, у нього одна із студенток чемпіоном Канади зараз стала, і вона їде на Чемпіонат Світу.

Коли ви переїхали до Канади?

— У Канаді в перший раз я був у 1988 році, на Олімпійських Іграх в Калгарі, потім у 1993, і в 1997 я вже поїхав назавжди. Я зараз переїхав в Оттаву, бо моя жінка працює на правління, і нас туди перевезли. І Торонто я люблю, я там прожив 15 років. А в Оттаві вже шостий рік.

Як ви познайомились із дружиною?

— На концерті. Вона підійшла, спитала, чи я вчу своїх дітей грати на скрипці. Я кажу — у мене нема дітей. І все. З першого дня.

🧩 Про що ви мріяли у дитинстві?

— Багато таких мрій у мене справджувалось. Хотів грати з Deep Purple — я у їх останньому альбомі. Такі мрії були — грати щось. Абсолютно усе було пов'язано з музикою. Я можу пожартувати, що хотів бути штангістом, як роблю іноді в інтерв'ю. Зараз так, кажу правду. Хотів бути музикантом з дитинства.

🧩 Ви навчали своїх дітей лише на фортепіано, а не на скрипці?

— У них є педагог, я не вчу, а воджу їх на фортепіано. Я можу вчити, але не маю нервів і сил. Я дуже нервова людина, мені легше заплатити, хай хтось навчає. Нема нервів ще й на скрипку, вистачить з них фортепіано. І так нічого з того не буде. Вони мають талант, але вони всі дуже ліниві, бо вони вдалися у мене, а я лінивий. Так що, хай... Не знаю, може, я неправий, може, воно переросте. У них є здібності і слух, все у них є, але нема працелюбства. Бо музика — це така штука, що треба займатися дуже багато, особливо у дитинстві.

🧩 Які ви любите читати книги, дивитись фільми?

— Я люблю хороші, не тупі, комедії, люблю філософські, історичні фільми. Але така, не далека історія, мені цікаво дивитись про 30-ті, 40-ві роки. Дуже цікаво, я люблю це. І художні, і документальні. Читаю я багато, люблю читати. Зараз, наприклад, спогади Кузьми Скрябіна. Багато Андруховича, Жадана. З усіх режисерів найбільше люблю Фелліні. Його гумор мені імпонує. З Софі Лорен ми знайомі, я їй грав.

🧩 Ви писали музику для фільмів?

— Мою музику використовували у фільмах, але я не писав спеціально. Наприклад, є один серб, який зняв документальний фільм про війну у Сербії, і там він використовує одну із моїх речей.

🧩 Ви присвячували кому-небудь музику?

— Доньці Софії колискову написав.

**🧩 Усі думають, що я романтик,
а я цинік, як всі у нашій школі.**

Нікому присвячувати нічого не збираюсь. Дітям — так, а все решта...

Чи був страх сцени?

— Чим більше людей, тим легше грати, набагато. Якщо сидить «три каліки» і вони тебе судять — це гірше. Це все одно, що піти до дантиста на зустріч.

 Коли багато людей, це класно, якась енергетика передається. Я люблю, коли багато людей.

У вас були концерти, на яких тільки імпровізували?

— Так, багато. Ви не готуетесь до цього, імпровізація — це спонтанність. Щось стукне у голову — і хочеться або когось підколоти, щоб публіка не знала, з своїх колег, або ще щось.

Розкажіть, будь ласка, про своїх батьків.

— У мене тато був досить відомий музикант. У Коломиї є вулиця імені мого батька (він звідти). Не дожив один місяць до незалежності. Працював у хорі Верьовки. Колись Сталін ще подарував йому годинник, йому було 14 років. А мені Хусейн подарував годинник колись. Тато був... Зараз багато колективів різних знають його музику, але так, як він, я не думаю, що ще хтось би повторив. Він був унікальний у цьому плані. Мама хореограф, у неї був дитячий танцювальний колектив «Веселка», вона навчала дітей танцювати, зараз на пенсії. В основному нашим вихованням займались школа і мама, бо тато

завжди був десь у Бразилії, або ще десь. Батько теж був дуже нервова людина, тому він так, інколи щось трохи підказував, але в основному нами займалися школа, наші професори і мама.

Який найяскравіший момент ви пам'ятаєте з школи?

— Капустники. Ми готували та випускали їх не знаю, як, бо такі речі наші обдаровані діти говорили! Це ж так антирадянщина була страшна. Кожен випуск готує цілий рік капустник, і на десятирічку приходили всі з консерваторії, бо ми дійсно робили виставу.

Це ще в часи Радянського Союзу. Як це попускали, незрозуміло.

 Одна із вистав була про Буратіно
— Карабас-Барабас у нас був
міністром культури.

Концерти в Україні відрізняються від концертів у інших країнах?

— Колись — так, зараз майже ні. Дуже дивно, але часом тут дорожче проводити концерт, ніж у Канаді. Бо є багато цікавих нюансів, але це технічні моменти. Обладнання зараз все на висоті. Інколи виходиш на сцену і не знаєш, у якій ти країні, усе майже однаково. Аудиторія приймає нас майже всюди так само. Французи трошки тепліші, трохи буйні такі. Це не ті французи з Франції, у нас вони

інакші. Канадські французи і Французи з Франції — це дві різні речі. Вони один одного не люблять взагалі. Французи з Франції вважають, що у нас «деревенщина». Ну, воно так історично склалося, бо хто там виживав у Канаді і хто туди тікав? Бандити, грабіжники, матроси, пірати.

Як прийшла ідея створити Papa Duke band?

— Я працював дуже багато з різними музикантами. З Джессі Кук їздив на тур. Працював з Pavlo, це грецький гітарист. От з ним я і почав. Просто дивився, як вони все це роблять, навчився, як цей весь бізнес працює, і створив свою групу.

У чому ви розчарувались?

— Музиканти як діти. Часом розчаровуєшся у характері, бо на турі ви ж всі як на кораблі. І на турі видно відразу людину. Так само, буває, розчаровуєшся. Але як правило, у наступний раз ця людина вже не їде, і цього музиканта немає.

Така зміна музикантів не впливала на якість роботи?

— Ні, у мене завжди так виходило, що наступний музикант завжди був ліпшою людиною і ліпшим музикантом. Завжди знаходиш когось кращого. Я обираю музикантів самостійно. Знаходив я їх зазвичай у Канаді, бо перепрацював з багатьма, багатьох знаю.

Є якийсь концерт, який чимось запам'ятався, відрізнявся?

— Ще за Радянського Союзу у нас були гастролі в Іспанії, і наш реквізит не приїхав, запізнився. А концерт мав відбутися.

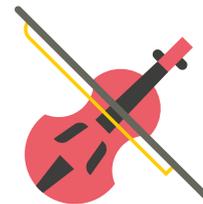
І такий концерт був чудовий. Хто на що гаразд, виходили, щоб тільки протриматись. Так все і відбулося. Я там щось зіграв, чуваки з московської конси щось співали. Дурдом. І ми сміялися, бо якась самодіяльність іспанська нам дала костюми, і ми все це ще й в іспанських костюмах робили.

Що б ви порадили молоді?

— Якщо це музиканти, я хочу порадити, що треба грати всюди. За гроші, без грошей, якщо вас ще ніхто не знає.

Треба грати за будь-яких умов.

Бо є великий шанс, що вас хтось почує, хтось побачить. Комусь ви сподобаєтесь, і він щось вам запропонує далі. Грати як можна більше. І не дивитись відразу на гроші, дивитись у першу чергу для вивчення. Одного музиканта, коли я жив у Москві, я знайшов на Арбаті, він грав на вулиці. Я його відразу забрав до нас у театр. Зараз він живе в Сіетлі, у Америці. Так буває.

Автор інтерв'ю:
Ангелина Сардарян

Ндаба Мандела

*«Если у вас ВИЧ/СПИД –
это ещё не конец света» –
интервью Ндабы Манделы.*

*Кто в детстве не мечтал о том, кем будет в будущем? Космонавт, актриса,
пилот, ученая... Но желание Ндабы Манделы можно назвать весьма
нетипичным.*

— Я расскажу небольшую историю, чтобы быть честным с вами. Мои родители сказали, что мы едем провести дедушку. Он был в тюрьме. Так вот, это был обычный дом, который был лучше нашего. Там был бассейн! Это было в 1990. У него был повар, хорошая еда. В тот день я сказал себе, что когда вырасту, хочу попасть в тюрьму. И это было мое первое такое желание, потому что я не понимал, что мой дедушка — политический заключенный, и что он был перемещен, чтобы они могли заставить его вести переговоры. Так что я сказал, что хочу туда, потому что тогда у меня была бы хорошая жизнь в хорошем доме. Но я не знал, что этот дом — тюрьма. Кроме этого, пожалуй, сначала я хотел быть футболистом, потом — боксером, потому что моему дедушке это нравилось, да и мне тоже. Мне очень нравился Майк Тайсон. А после я хотел изменить мир, как мой дедушка. Быть лидером, быть президентом. Я действительно об этом мечтал.

И **Изменить мир — задание не из простых. И к нему можно подойти по-разному. Кто-то использует физическую силу, кто-то — психологическую. Но Ндаба решил действовать иначе.**

— Я понимаю, что мой дед жил в специфическое время, у них были свои сложности. Система разделяла людей физически, они были рабами. Так что они разорвали физические цепи и низвергли партию. Они создали свободу. Сейчас уже следующий уровень. Это наша ответственность. А моя — свободное поколение. Посмотрите на этих людей, они бедны. Как я могу сделать их жизни лучше? Африканские люди смотрят на белых и говорят, что хотят быть такими же. Нет! Ты не можешь быть белым, потому что ты не можешь поменять цвет своей кожи.

Я **хочу, чтобы африканцы поняли, что они хороши.**

— У них очень специфическая история, но это не значит, что они хуже других. Мы все люди. Мы все можем достигать наших целей, это не зависит от цвета кожи. Так что следующий этап — это передать власть темнокожим людям. Они могут руководить своей собственной судьбой и понимать, что они такое же, как и белые люди, а не ниже. Так что моя цель — это убедиться, что темнокожие люди контролируют свою судьбу и осознают свою силу.

🧩 Молодёжь — лидеры будущего, а чтобы быть лидерами завтра, нужно начинать сегодня. Поэтому Ндаба пытается по максимуму привлекать молодых людей к своей деятельности.

— Все дело в мировоззрении. Если ты взрослый, оно как кирпич — если на него налить воду, она просто стечёт. Но молодые люди как губка, которая эту воду впитает. Так что я могу учить их. Вдохновлять, мотивировать. Но я не могу вдохновить взрослых, потому что у них уже сложившаяся жизнь, работа, дети. Они не могут поменяться. А молодёжь может, в любой момент. Сегодня я могу быть космонавтом, завтра — водителем, завтра — боксёром, потом — президентом! Но пожилой человек так не может.

🧩 У молодёжи намного больше возможностей, гибкости и силы, чем у взрослых.

Основная проблема в сфере ВИЧ/СПИДа — дискриминация. На человека с позитивным статусом смотрят, будто он грязный и сделал что-то неправильно, и теперь должен за это расплачиваться. Но это не так.

— Нужно понимать, что все мы люди, а люди совершают ошибки. И ни один человек не лучше другого. У кого-то ВИЧ, у кого-то рак, туберкулёз, астма... Что делает одного человека лучше другого? Ничего. Мы все из плоти, и вирус точно так же может проникнуть

в любой организм. Люди с ВИЧ/СПИДом ни в чем не виноваты. У их родителей мог быть положительный статус, так что они родились с ним. Как можно дискриминировать тех, у кого нет выбора? Это неправильно. Мы пытаемся преодолеть это, вдохновляя людей.

🧩 Если у вас ВИЧ/СПИД — это ещё не конец света. Вы не хуже любого другого человека.

🧩 Важнее всего — любить себя. Слышать свой голос. Уважать себя. Не позволять никому указывать, как тебе жить. Именно в это верит Ндаба Мандела.

— Нужно понимать, что у тебя тоже могут быть свои желания, которых ты можешь достичь. Что ты являешься частью общества и можешь его поменять. Ты можешь сделать все, что хочешь. Все мы можем что-то поменять в этом мире. Родиться таким, какой ты есть — это дар Бога, а не что-то созданное людьми. Мы все дети Бога. Другими словами, мы все равны. Мы можем сделать этот мир лучше. Кто-то может этого не понимать, потому что он молод и все ещё пытается найти себя. Вот почему важно ходить в школу. Там обучают разным вещам, и ты можешь понять, в чем хорош. Может, я музыкант! Может, я фотограф! Может, я художник или поет! И нужно понимать, что нужно любить себя, иначе ты не сможешь сам дарить любовь, чтобы создавать лидеров завтрашнего дня.

✚ Традиционное образование пытается заставить людей думать одинаково, но все мы разные. И не нужно идти по проторенной дороге «университет-работа-семья», нужно искать свой собственный путь.

— Потому что у нас всех есть возможности. И некоторые из нас могут научиться гораздо большему работая, чем во время учёбы в университете. Потому что там ты учишь книги, а не то, как вещи даются. Например, я хочу научить тебя, как готовить яичницу. Возьми яйцо. Ударь о сковородку. Но не слишком сильно, иначе оно может разбиться. Ударь мягко, но чтобы оно треснуло. Сколько бы я не описывал, ты не поймёшь, пока не сделаешь сам. Так что практические знания намного важнее теоретических. Конечно, университет тоже важен, потому что он учит мыслить. Как добраться с пункта А до В. Но если у тебя есть возможность пойти на работу — иди! Если у тебя есть возможность основать бизнес — вперёд! Конечно, это сложно.

👤 Есть много последователей,
но мало лидеров.

✚ Ндаба начал работать в сфере ВИЧ/СПИДа после смерти своих родителей, и, несмотря на то, что отреагировать можно по-разному, он не видел для себя иного пути, кроме общественной работы.

— Потому что мне очень повезло — мой дед Нельсон Мандела, и я вырос с ним. Он вышел из тюрьмы в 1990–1993 он забрал меня и отправил родителей в университет. Потому что у них не было образования,

они не могли его себе позволить. Потому что мои родители были в тюрьме, и у них никого не было. Так что им приходилось работать и делать все, что в их силах. Чтобы выжить, чтобы есть, чтобы иметь крышу над головой. Когда дед вышел из тюрьмы, он понял, что у моего отца никогда не было образования. Потому что для него образование было запрещено правительством. «Белым» правительством, которое давило на темнокожих. Так что для него образование было самой важной вещью. Он вышел из тюрьмы и отправил сына в университет. У сына дети — он забрал их и остался с ними. И он присматривал за ними, пока сын получал образование, так что я вырос с дедом и был вовлечен в его жизнь. Президент, лидер — он все время был на виду. Через несколько дней после смерти отца мы разговаривали о том, что скажем миру. И мой дед был тем, кто сказал: «Нет, мы скажем, что наш сын, наш отец, наш брат умер от ВИЧ/СПИДа». Так что вот, как я учился: молчал и смотрел. Я был очень тихим ребёнком. Все принципы я перенял от деда. Как губка! Обезьянка видит — обезьянка делает (смеётся). Я понял, что несу ответственность. Дед сказал мне: «Ты лидер, ты Мандела! Люди будут смотреть на тебя, и тебе нужно показывать пример». Так что вот, почему я такотреагировал. Потому что со мной всегда был мой дед, чтобы поддержать меня, чтобы заботиться. Не у всех так.

 В нашей стране есть тысячи домов с родителями, где взрослыми являются дети.

—Десятилетний присматривает за пятилетним братом.Пятнадцатилетняя присматривает за двухлетним. И в Южной Африке таких слу-

чаев не один или два, а сотни и тысячи. Я научился, что я лидер, мне нужно вдохновлять людей, помогать им. Конечно, я ходил в университет, учил политику, международные отношения, но самым важным вещам я научился у старика.

 Искоренять жестокость при помощи жестокости — разрушительный замкнутый круг. Но даже тогда, когда хочется взять реванш и мстить, нужно понимать, что это позиция слабости.

— Нельсон Мандела сказал: «Если бы я вышел оттуда и имел злость внутри себя, я все еще был бы в тюрьме. Я вёл бы себя так, как хотели мои тюремщики. И я хотел стать тем, кто разорвет круг. Кто не будет делать с другими то, что делали с ним».

— И он понял, что так у него была власть, а не у кого-то другого. У них власть была раньше. Очень важно понимать свою позицию. Потому что на одном этапе мой дед тоже взял в руки оружие. И в то время у него не было власти. Он сказал: «Как может власть использовать насилие против людей, которые проводят мирные демонстрации, которые безоружны?». Это не работает. Время взяться за оружие и идти против врага. Мы безоружны — это не имеет значения, они стреляют. Мы продолжаем приходиться с миром — они стреляют. Но это потому, что у них никогда не было власти. И он решил стрелять в ответ. Потом он смог начать новый способ жизни. Так что важно понимать свою позицию.

 Ко дню Нельсона Манделы Квеку и Ндаба создали сеть Mandela.is, при помощи которой хотели развить в обществе ответственность и взаимопонимание среди людей.

 Основная концепция в том, что Нельсон Мандела посвятил 67 лет жизни общественной работе. Так что мы хотим, чтобы люди посвяти-

ли этому 67 минут своего дня 18 июля, в день Манделы.

— И вот зачем день Манделы. Чтобы одни люди помогали другим. Результаты были не очень большими, участвовало около трёх тысяч человек. Конечно, мы пытались задействовать больше. Это лучше, чем ноль. Это лучше, чем сто. Но нам хотелось привлечь миллион, например. И чтобы люди делились тем, что сделали. Например, если ты музыкант — пойдешь в школу и сыграешь там, или покажи детям, как играть на твоём инструменте. Помогите ребёнку сделать домашнее задание. Накорми голодного. Есть так много хорошего, что можно сделать для других. Это способ построить мосты.

 Чтобы разбить барьеры между людьми. Между старыми и молодыми, между белыми и темнокожими, между богатыми и бедными.

Уничтожить эти барьеры, потому что все мы люди. Все в наших силах, нужно только работать над собой, всегда искать возможности. Да, бывают неудачи, падения, но это только новые ступени на пути вверх.

 Глядя на африканский континент
я понимаю, что все возможно.
Даже длинный путь от рабства
к свободе.

 Вы считаете, что всегда должен быть лидер?

— Каждый, кто делает правильные вещи — лидер. Как мать ты лидер, как отец. Таким множеством путей. Это не просто потому, что ты президент или министр. Мы все по-своему лидеры. Если ты делаешь правильные вещи — это знак лидера.

Что бы ни происходило, нужно следовать за своим сердцем, своими мечтами. Потому что только мы хозяева своих судеб.

 Что бы это ни было — вы можете
мечтать, вы можете достигать
этого. Следуйте за своим сердцем,
вы можете достигнуть всего
в этом мире.

Автор интервью:
Ангелина Сардарян

Василь Кулевчук

«Я проти підлаштування.

Займайтеся тим, чим хочете» —

інтерв'ю Василя Кулевчука.

Чи часто люди виходять за межі своєї зони комфорту? Не надто, втрачаючи при цьому неймовірну кількість досвіду та вражень. «Моя країна» — проект, створений, щоб змінити це.

— Ідея 25 регіонів до 25 років прийшла пізніше, ми вже півроку займалися цим проєктом. Основний ініціатор Євген Демченко, колишній голова молодіжної організації ФРІ. Він у грудні місяці запропонував приєднатися мені і ще кільком людям. У мене також була ідея створювати якісь можливості, щоб люди подорожували. Бо я можу подорожувати, але не всі такі, як я, що можуть взяти і поїхати в інше місто просто так. Їм потрібна якась причина. І ми хотіли створити цю причину, можливість. І так вийшло, що ми створили такий формат візитів, коли місцеві запрошують людей з інших міст. Так з'явилася «Твоя країна». Є загальні рекомендації по програмі, приблизно на 3–4 дні. Туди входить знайомство з владою, з активістами, з культурною сферою міста, економічною, зустріч з якоюсь відомою людиною, подорож за місто кудись. Але це носить рекомендаційний характер, не обов'язковий. У нас є шаблон, і місцеві організатори самі відповідають за створення схеми. Вони вирішують, яку програму будуть створювати, беруть цей шаблон, чи ні. З іншого боку, коли люди анкету заповнюють, вони пишуть, що хочуть побачити у цьому місті. Не знаю, яким способом, я жодного разу анкету не заповнював. Напевно, гуглять, що у місті є цікавого, і пишуть у рекомендації. Зараз ми на всеукраїнському рівні організуємо команду. Ну, ми себе вважаємо унікальними. Бо це не типу каучсерфинг, бо там надається тільки поселення, не типу ERASMUS, бо він надає гроші, грант.

 Ми поки що не бачили такого за кордоном, але якщо хтось знає, ми з радістю переймемо досвід.

— У нас були деякі активісти, які хотіли робити «Твою країну» на міжнародний рівень, бо справді ніхто не бачив подібного проєкту, але поки що це тільки ідея. Ми готові до кооперації з громадськими організаціями, ініціативами, до нас доєднуються, ми доєднуємось.

 На жаль, подорожувати наодинці та залишатися у незнайомих людей усе ще може бути небезпечно. Проте організатори проєкту не бачать у цьому проблеми.

— Один з принципів «Твоєї країни» — довіра. Немає ніяких правил, щоб заповнювали якісь анкети, давали копії паспортів. Ми говоримо про те, що хочемо розвивати у суспільстві довіру. Ми з Женею спокійно приймаємо вдома людей, якщо потрібно. У нас був один інцидент, коли організатори у Чернівці говорили, що вони готові робити візит, але всі учасники, які приїдуть, мають надати нам копії паспортів, якраз, щоб ця безпека була. Ми відмовились. Тобто ми розраховуємо на людське слово, на довіру. Якщо ви турбуєтесь про безпеку, зателефонуйте і поговоріть з людиною, щоб її відчувти. Але ніяких довідок, документів ми не беремо. І жодних інцидентів не було.

 Іноді життя розвивається зовсім не так, як планувалося спочатку. Василь також ще кілька років тому бачив своє майбутнє зовсім інакшим.

— Я сам учився на комп'ютерній інженерії до того моменту, коли я пройшов конкурс на проєктного менеджера. Я вже серйозно задумувався над тим, щоб піти у програмування. Виходило непогано, але мені цікавіше було працювати з людьми, творити щось такого плану. У ІТ також можна творити можливості для людей, але так ти бачиш лише свій текст, а так — людей, їхні емоції.

Часом не відразу можна помітити помилки, а коли бачиш їх — уже пізно. І так хочеться повернути час назад.

— У мене такого немає, я нічого б не міняв. Через те, що після кожного візиту, чи у моєму місті, чи на всеукраїнському рівні, я роблю аналіз, що було добре, що було погано. Тобто якби я щось змінив, у мене не було б того досвіду, який є зараз. Тому я б нічого не змінював, якби вертався. Продовжував би робити так, як зараз роблю. Пройшов якийсь захід, пройшов якийсь етап у житті — ти просто робиш аналіз.

Кожна подорож — це нова історія, не схожа на попередню та наступну. Як серед такого різноманіття можна виокремити лише одну?

— Я у рамках проекту не подорожував, а з моїх поїздок... Важко сказати, яка запам'яталася найбільше, тому що у кожній поїздці я знаходжу щось своє. Коли ти з іншою людиною, ти інакше на неї дивишся. Коли подорожуєш сам, по-іншому дивишся на звичні речі. Це прикольно так помічати. Поїздка... Складне питання. Просто стільки всього відбувається, що все так не згадаєш. Відразу перші поїздки згадалися, коли я поїхав

на змагання у Донецьк, і для мене це було вау. Багатоповерхівки! Київ! Коли ти у Києві заходиш у метро, я ще дотепер пам'ятаю, як боявся тих ескалаторів, не було ясно, як до них там заходити, перші рази було страшно. А коли ти потім до Києва приїжджаєш через півроку, рік, дванадцять днів організуємо проект — спокійно вже усюди ходиш. Це також був для мене переломним моментом, коли ти велике місто сприймаєш, як своє. А зараз мені частіше подобається їздити в маленькі міста. Чортківськ, Тростянець, Кременчук. Я люблю, коли водойми є. Де водойми є — мені місто прекрасне.

Люблю гори — там відчуваєш себе якимось медіатором між земним і небесним.

— Я більше з тих людей, які люблять спокій, але у мене немає такого, що я маю бути сам, або маю бути з кимось. Є, з ким подорожувати — я подорожую з кимось, але ця людина має бути мені близькою. І небагато, я не люблю компанії більше п'яти чоловік. Коли більше ніж п'ять чоловік і ти подорожуєш, це

виходить не дуже гарно. У мене виходить по-різному. Останнім часом з кимось подорожую, буває, сам.

Подорожі, нові міста, досвід, знайомства — це неймовірно. Проте іноді доводиться платити за це спілкуванням з найближчими.

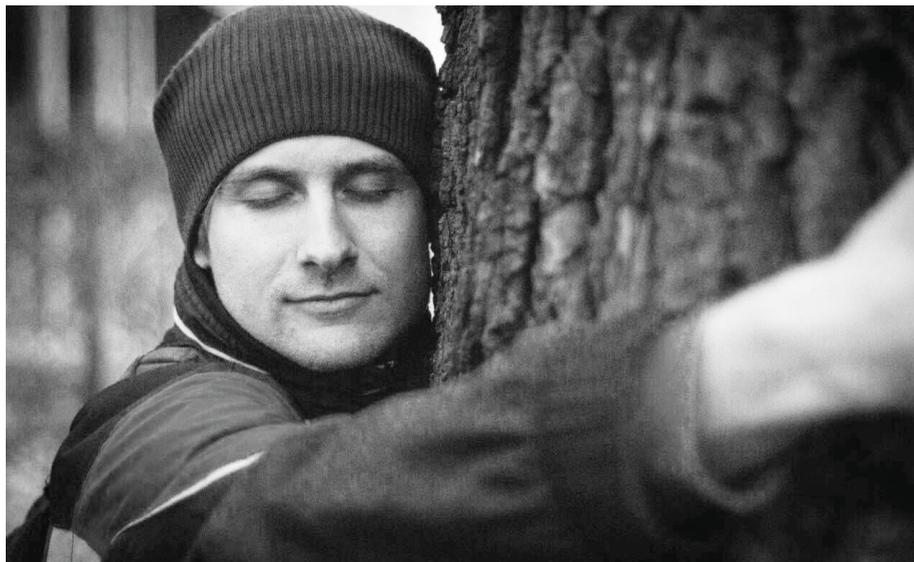
— Це поступово виходило. Спочатку я подорожував раз у півроку, у рік. Потім три місяці, два місяці. Це я так батьків готував. Зараз мама говорить, звичайно, що сумує. Але не треба триматись батьків. Їх треба берегти, любити, але не треба триматись свого дому.

Я чув прекрасно фразу, що батьки намагаються по максимуму дати дітям, але коли вони купують тобі квартиру, будинок, вони фактично тебе до цього місця прив'язують. А я якось не хочу бути до одного місця прив'язаним. Принаймні до тридцяти років спокійно відкриваю для себе світ, а вже потім можна думати про те, щоб десь осідати.

🧩 Часом такий швидкий темп життя, постійна зміна обставин можуть стомлювати. Навіть Василя не оминув цей стан.

— По-різному буває. Минулого літа у мене постійно були подорожі, табори, де було сто людей і я їм щось проводив, віддавав енергію. І у кінці літа я був такий виснажений, що буквально від вересня місяця мало не до червня просто від людей відсторонювався. Подорожував, але відчував якесь перенасичення віддачі енергії. Я просто не захоплююсь місцями, а насолоджуюся ними, знаєш. Бо коли ти подорожуєш і у тебе емоційний стан не такий, що ваааау, я просто насолоджуюся тим, що прекрасне. — Я з тих мандрівників, які не подорожують просто так, аби подорожувати. Зазвичай мої подорожі пов'язані з якоюсь громадською діяльністю. Зараз, коли я відвідав уже усі області, у мене двояке відчуття. Мені ці-

каво відвідувати маленькі міста, вивчати. У мене була ціль відвідати десять таких міст за цей рік. І з другого боку, я у цьому році був у Німеччині, Молдові і буду у Литві, Вільнюсі, знову у Німеччині буду, може до Грузії ще їду. Якщо ти відкритий до світу, то створюються можливості. А, я ж забув, я по Європі їду стопом у серпні! Тобто можливості створюються, у мене подорожі не самоціль, у мене ціль відкривати щось нове у собі, у світі, знайомитися з новими людьми, знаходити якийсь дзен.

🧩 Коли емоції, як спалахи — спалах, спалах ти вже гориш і не можеш далі подорожувати. Тому я просто насолоджуюсь.

🧩 У якийсь момент, досягнувши певного етапу у своїй роботі, отримавши певний досвід, приходь час поділитися ним з іншими. Тому Василь почав проводити тренінги з неформальної освіти.

— Я довго не проводив. Працював в одній організації, другій, і всі люди, з якими ми займалися громадською діяльністю, уже щось проводили, а я не відчував бажання. Почав буквально два роки тому, коли набрався досвіду. Я не люблю вчити людей, просто коли ти ділився інформацією з людьми, ти сам знаходиш якийсь інший сенс, щось нове. У моєму розумінні я просто ділюсь своїми знаннями, досвідом з іншими людьми. Їм це цікаво, є попит. Минулого року до шести таборів їздив, цього року трохи зупинився, відпочити треба. Якщо я проводжу те, про що я знаю, у що я вірю, то не складно. Був момент якогось сумніву, коли мене попросили провести публічні виступи. Чисто випадково, бо десь почули, що Василь уміє робити, але просто Василь не той. І я ну окей, проведу. І тоді цей момент був мені некомфортний. Я не люблю публічні виступи, але я перефронтував це на як просто спілкуватися з людьми, це мені більш зручно. І було нормально. А так я комфортно почуваю себе на людях, якщо я знаю, про що говорю. Я можу навіть не готуватися до виступів. Тобто моя підготовка — це за ніч до виступу скласти собі план, про що хотів би поговорити.

🧩 Якщо ділитися з кимось своїми ідеями, безумовно, можна отримати свіжий погляд на речі, непереджену думку та корисні коментарі. Проте з ким варто говорити, а з ким — ні?

— У моєму розумінні, треба ділитися з тими, з ким вам комфортно. Бо буває, що і близькі можуть тобі різко щось відповісти. Коли ти якоюсь ідеєю гориш, а близькі типу та, я тебе знаю, ти мій кореш, це поганий

проект. І ти його так сприймаєш, що уже все, не треба нічого робити. Але ж близькі теж можуть помилитися. А коли тобі інша якась людина скаже, що це погано, ти можеш сприйняти чи не сприйняти. Я коли починав громадською діяльністю займатися, для мене було «моя ідея — це моя!».

🧩 Тоді прийшло усвідомлення, що не надто важливо, хто реалізував цю ідею, важливо, що ця ідея реалізована.

— Якщо ідея реалізована, то ти досягнув першої мети, щоб змінити якоесь середовище. Навіть якщо про бізнес-ідеї, у моєму розумінні ти можеш їх обговорювати з кимось, для того, щоб подивитися на неї з різних боків. Зі всіма треба говорити, і з ближніми, і з чужими людьми. Але пам'ятати, що це просто їхня думка. Її треба фільтрувати, переосмислювати і робити висновки зі всього у житті.

🧩 Час не повернути, тому важливо розуміти, чого ти хочеш зараз, і які можливості у тебе є. На думку Василя, зараз із цим ще простіше.

— Мені подобається, насправді, як у мене життя розвивається. Швидше почав би бути активним. Почав я десь у дев'ятнадцять, напевне. У 16–15 у мене була школа, я трошки бігав — і все. Я старався після школи по максимуму повертатися додому, може, у футбол

якийсь біля дому побігати – і все. Треба відкривати для себе світ змалку. Я так радію, що є соціальні мережі, і діти вже у 13–14 років можуть бачити різні проекти, є можливості поїхати в інші міста. Раніше треба починати відкривати для себе світ.

Цікаво, що було б, якби я раніше почав подорожувати, займатися тим, чим я зараз займаюсь.

— Я думаю, не варто дітей заохочувати, їм просто треба створювати можливості. І все, хай самі обирають, що їм варто робити. Коли я розповідаю про «Твою країну» я не кажу, що усі мають подорожувати і так далі. Я створюю можливості, пропоную – і за ними вихід. Для мене корисно подорожувати по країні відкривати для себе щось. Для когось, можливо, ні. У мене є знайомі, які не подорожують, і їм нормально. Багато класних проектів замикаються в собі. Якщо говорити про «Твою країну», ми по-максимуму намагаємося знайти нові шляхи, нові канали, щоб якомога більше людей дізналось. Не для того, щоб вони до нас приєднались, а просто дізнались про таку ідею. Коли люди знають, вони мають вибір. Коли не знають – у них вибору немає. Ми хочемо створювати для людей вибір.

Система формальної освіти – одна з найсерйозніших проблем в українському суспільстві.

— Це комплексна проблема, напевне. Як і взагалі в Україні, люди, які займаються цим, або не вірять, або не віддаються цьому. Так сталося,

що викладачі, учителі – це люди, які отримують дуже маленьку зарплату. Вони не думають, як зробити навчання максимально ефективним, цікавим, а про те, як їм сім'ю прогодувати. Тому проблема в усій українській економіці. Треба створювати для людей нормальні умови. У неформальній освіті за рахунок грантів люди зараз трохи вищі зарплати отримують. Тому вони можуть віддаватися цьому, робити з душою і повністю. До того ж, у неформальній освіті це у більшості проекти, а проект може тривати місяць, може тривати рік, може тривати два роки. Формальна освіта постійна. Тобто людям, які цим займаються, спочатку треба вчитися п'ять років, щоб стати викладачем, а потім працювати. Тобто це постійно, це все твоє життя. І важко постійно підтримувати цю ідею, натхнення. У неформальній освіті простіше: я займаюсь два роки одним проектом, два роки другим, і зміна якась відбувається, я знаходжу інше натхнення.

«Спочатку закінчи університет – а потім займайся, чим захочеш». Знайомо? Що робити, якщо вибір стоїть між інтересами рідних та своїми?

— Я узагалі проти підлаштування. Займатися тим, чим хочеш. У мене мама не знала, до якого університету я вступив. Я доволі такий самостійний хлопчик. Мама, можливо, не до кінця розуміє зараз, чим я займаюсь. Але вона вірить просто у мене. Я вдячний їй за те, що вона просто дає мені простір для вибору. Тому майте простір для свого вибору, власної думки. Не підлаштовуйтеся ні під кого. Самостійність проявляється у тому випадку, коли людина бере відповідальність за своє життя. Я готовий робити якісь речі – я готовий нести за них відповідальність. Бо багато буває, що ти робиш якісь речі, а потім «не-не, то не я». Тобто ти вже говориш, що то мама вирішила, то ще щось, в університет я пішов – мені мама сказала. Усе, батьки винні у тому, що у мене погана освіта, а роботи нема, бо університет був

поганий — знову якийсь цикл. Тобто хтось винний у тому, що у тебе чогось нема. Я в університеті насолоджувався процесом. Можливо, рідко на пари ходив, але брав від цього те, що мені треба було. Самостійність — це коли ти відповідаєш за свої дії. І робиш вибір. Щось я говорю тільки про те, що мені подобається. Напевне, по життю такий (сміється).

🧩 Студентське життя не може бути не насиченим, проте якщо у когось це так через навчання або вечірки, у Василя ситуація зовсім інакша.

— Найбільша подія тих років для мене, не пов'язані з студентством, а пов'язана з AIESEC, це коли у мене був перший проект в AIESEC по навчанню молоді, по проектному менеджменту. У AIESEC така система, що у твоєму проекті мають бути люди з-за кордону, у мене було два іноземці, і один з них жив у мене вдома. І це найяскравіша подія, бо завдяки йому я ще й англійську підтягнув. Він з Греції, я якраз буду їхати стопом до нього. І я тоді подивився на світ іншими очима. Перед тим також у мене іноземці по тижню жили, але з ним коли ти постійно, навіть намагаєшся вже про якісь вищі матерії англійською говорити, з людиною з іншого середовища, тоді це було прикольно. Класний момент був, коли я його взяв до своєї зведеної сестри на весілля. Це було у глибинці Тернопільської області у селі, в якомусь барі. Я там себе відчував якимось перекладачем, бо сто людей, і всі з ним хотіли поговорити, а ніхто англійської не знає, то я перекладав, дотепер цю емоцію пам'ятаю. А момент, коли ми верталися з того села, це було у лютому місяці, мінус тридцять, ми в автобусі, який не обігривається, він так тоді замерз! Ми потім його горілкою відтирали. Він дотепер мені згадує, що у Греції плюс один-два і всі ходять змерзлі, чи мінус два, а він каже, що в Україні пережив мінус тридцять, і тепер уже не страшно.

🧩 Звичайно, натомість він також отримував досвід. Часом дивують речі, які, насправді, мають бути природними.

— Наприклад, у Берліні люди працюють не для того, щоб заробити, а щоб зробити якусь роботу. Змінює парадигму мислення. Ти не маєш працювати увесь день, ти можеш за дві години зробити те, на що зазвичай піде вісім, і використовувати цей час, як хочеш.

— Спочатку приїхав — якийсь шум у цьому Берліні, незрозуміло, що, куди. А потім коли ти просто пішки пройдеши по місту, скверики, парки, будинки — ти можеш відпочити, побути наодинці у величезному мільйонному місті.

— При тому, що люди навколо тебе ходять, але ти відчуваєш, що можеш бути собою і одночасно бути з іншими поряд. Для мене це були найкращі відчуття у Берліні.

🧩 Наостанок Василь радить підліткам не втрачати час.

🧑 Насолоджуйтесь життям. Тим, яке зараз є. Старайтеся більше робити того, що вам подобається. І оцінюйте критично те, наскільки воно вам стратегічно корисне. Бо я міг робити

зараз деякі речі, які приносять мені кайф, але у перспективі це буде величезний мінус. Тому робіть речі, які вам подобаються, від яких ви отримуєте насолоду зараз, і у майбутньому вони вам будуть виливатися у дивіденди.

Автор інтерв'ю:
Ангелина Сардарян

Дмитрий Шуров

«Ріанобой: искусство и виски».

История музыканта Дмитрия Шурова о развитии искусства в Украине, творческих кризисах и многом другом.

🧩 Сначала вы играли джаз, почему сменили направление? Не планируете подобные метаморфозы в будущем?

— Мне всегда была интересна музыка в принципе, не только джаз. В 18 лет я понял, что музыкальные стили — гораздо менее важная вещь, чем то, что ты хочешь донести. По сути, музыканты пытаются сказать одно и тоже, просто кому-то нужно для этого больше нот, кому-то меньше. Ну и в украинском джазе тогда было трудно найти себе соратников, были одни собутыльники.

🧩 Как пришла мысль написать оперу? Опять же, это совершенно отличный от привычного жанр.

— Мне поступило предложение от Алёны Ахмадуллиной (российский фэшн-дизайнер) написать музыку к её показу в Париже, возникли аналогии с Дягилевым и т.д. И я написал оперный фрагмент на 15 минут, историю Принцессы, которую похитил Дракон и которая видит Принца во сне. А потом загорелся и дописал её до конца, с либретто мне помогал мой папа, Игорь Шуров. Это произведение я когда-нибудь обязательно поставлю, но спешить и делать это тяп-ляп не вижу смысла.

🧩 Бывали ли у вас творческие кризисы, и как вы с ними справлялись?

— Творческий кризис — это, в моём представлении, весь промежуток времени между написанием песен. Пишется песня и начинаешь ждать, когда придёт следующая, в этом и есть весь кризис. Вообще кризисы очень мотивируют, и творческие и финансовые, по этому я на них не злюсь, когда они бывают. Лучшие лекарства от кризисов — дети и гастроли.

🧩 С какими людьми вам комфортно работать? Как выбираете людей, с которыми сотрудничаете?

— Сложно сказать. Просто с одними хочется работать, с другими — нет. Хочется работать с лучшими, с людьми, которые многое умеют, но при этом открыты к новому, быстро реагируют и активно включаются в новые идеи.

🧩 Что в целом нравится и не нравится в людях?

— Нравится — талант, смелость, интерес к жизни, острота ума и широта восприятия. Не нравятся манипуляторы и люди без чувства юмора.

🧩 Бывает ли, что мысль не формулируется в слова, стихи? Что тогда?

— Да бог с ними, со стихами, и так каждая собака в наше время — поэт-израненная-душа. Не формулируется — выпью виски и иду гулять. Или наоборот — иду гулять и там выпью виски.

🧩 Почему вы перешли от инструментальной музыки к песням?

— Я продолжаю писать инструментальную музыку — для кино, спектаклей, для себя. Песни — это мой способ коммуникации с внешним миром.

🧩 Как вы выбираете фильмы, к которым соглашаетесь писать саундтреки?

— Скорее, это они меня выбирают. В нашей стране композитор пока не может выбирать фильмы, потому что фильмов очень мало. Для меня важен контакт с режиссёром и возможность работать с живыми музыкантами, а не с компьютерными.

🧩 Что даёт вам силы для развития?

— Две вещи — нежелание обостряться и потребность в том, чтобы самому было интересно, а для этого нужно постоянно куда-то развиваться.

🧩 Вы пишете музыку больше для себя, или аудитории?

— Я её просто пишу, а потом уже разбираюсь, для кого она, туда и показываю.

🧩 Как вы решили перейти к сольной карьере?

— Шесть лет назад это для меня был единственный выход. Тогда впервые родились песни, которые я захотел показать широкой аудитории.

🧩 О чем вы думали, когда в детстве в одиночку отправлялись в велосипедные прогулки? О чем думаете сейчас наедине с собой?

— Так я вам и сказал :)

🧩 Что больше всего запомнилось со времён учебы в Америке, Франции?

— Девчонки. Американки, французенки.

🧩 Как на вас повлияла частая смена обстановки?

— Я привык к тому, что картинка вокруг всё время меняется, как калейдоскоп. И теперь я зависим от этого, не могу долго сидеть на одном месте.

🧩 Что такое дом для человека, который все время в разъездах?

— Дом — это святое. Не знаешь, где тут что лежит, но при этом ощущаешь, как стены помогают.

🧩 В одном интервью вы говорили про взрывающиеся рядом с вами предметы — вы верите в энергетику?

— Энергетика — это основа всего. Коллективный выброс энергии запросто может разогнать грозу, спровоцировать или предотвратить военное столкновение. То, что мы с вами излучаем, определяет общий фон, в котором мы живём. Это не значит, что все должны быть Буддами, но хотелось бы, чтобы то, что люди выбрасывают в атмосферу, было для них хотя бы так же важно, как то, что они едят.

🧩 Видите ли вы развитие музыки и в целом искусства в Украине?

— Я вижу много новых людей, для которых важно качество того, что они делают, и желание достойно представлять свою страну — не пустые слова. Лучшие артисты новой украинской музыки не жаждут срубить денег по-быстрому, они не поедут в предвыборные туры. Лично для меня достучаться до моих людей и играть для них гораздо важнее, чем статусы, рейтинги и дебаты с кредитами.

🧩 Очень важно, чтобы музыканты были готовы гнуть свою линию, сейчас больше таких людей в музыке и искусстве, чем раньше.

Автор интервью:
Ангелина Сардарян

Анна Куценко

*«Я не вірю, що людина,
яка вчиться, нічого не вміє».*

Історія людини, яка вірить у те, що ми самі будемо своє життя, і часом потрібен лише невеликий поштовх. Саме тому вона розвиває Молодіжний центр у Києві – місце, де молоді люди можуть знайти підтримку.

🧩 Соціальною сферою Анна зацікавилась мало не у дитинстві. І у той час, коли зазвичай думають про навчання чи розваги, уже організувала свої перші проекти.

— Уже у восьмому класі я очолювала шкільне самоврядування. Потім вирішила продовжувати, і на першому курсі пішла у Київський молодіжний центр, для того, щоб допомогти не тільки собі або друзям, а і своїм одногрупникам. Ми організували різні заходи. Наприклад, екологічного спрямування, проводили тренінги. На той час була популярна програма «Рівний-рівному». Для мене було важливо організувати дозвілля, розвиток, додаткове навчання.

🧩 Часом люди починають працювати над якоюсь проблемою тому, що самі мали подібний досвід і тепер хочуть допомогти іншим його уникнути. Анна зізнається, що також відноситься до таких людей.

— Коли багато чим займешся, важко зрозуміти, що виходить найкраще. Коли я закінчила школу, мені здавалось, що я все роблю класно. Ким хочу — тим і буду. І крім того, що я хочу, мені треба було зрозуміти, що мені не набридає робити дуже довго. А не набридало мені якраз організувати, спілкуватися. Я люблю людей, чомусь їх учити. Тому я закінчила педагогічний. Хоча всі у родині думали, що я буду лікарем. Мабуть, кожна сім'я хоче мати медика вдома, раптом щось розболиться. А все банально просто — я боюсь крові, тому в медичний я навіть не подавала документи. А щодо профорієнтації, я навіть змусила свою молодшу сестру здати тест. Коли вона закінчила школу, я не вірила, що вона хоче стати агрономом. Який ще агроном? Плюс, я попалася на цю вудочку престижні-непрестижні вузи, мені хотілося, щоб вона пішла в найкращий вуз

на найкращу спеціальність. А вона хоче на якогось агронома. І вже під час навчання на першому курсі вона пройшла тест і отримала результат «людина-природа». Отак буває. Важливо давати дітям можливість сказати, що вони хочуть від життя, і займатися цим. Дуже часто до нас приходять молоді люди, які закінчили вуз, а усе життя хотіли займатися іншим. У мене є подруга-художниця, яка вчилася на економічному факультеті, а потім прийшла до батьків і сказала, що ось їм диплом, а далі вона пішла займатися тим, чим сама хоче.

🧩 І це проблема, яку треба обговорювати. Говорити батькам, що якщо вони юристами не стали, то не обов'язково нав'язувати це дітям.

🧩 Часто батьки думають, що самі краще знають, що ліпше для їх дітей. Проте Анна вважає, що нав'язування — це неправильно.

— Я дуже вдячна своїм батькам, бо вони мені довіряли. Завжди. Повірили моєму вибору, коли я захотіла вступати до педагогічного, сказали, що це мій вибір, моє життя. Розповіли тільки про плюси-мінуси — що це дуже нервова робота, що треба буде приділяти час і школі, і своїй валасній родині. Але вони ніколи не відмовляли. За це їм велике спасибі.

🧩 «Один у полі не воїн». Чи так це на практиці? Судячи з прикладу центра — так.

— Компанії стають видатними завдяки команді. Ми завжди намагаємося всі рішення приймати разом. Якщо ми, наприклад, обговорюємо якийсь проект, але він не «наш», він «чужий» — ми його не візьмемо. Для мене важливо, щоб ті, хто приходять до організації, самі вирішували, як їм працювати. Є керівник, у якого є своє бачення, яким має бути проект. І є команда. Якщо, наприклад, у нас великий захід, і ми не встигаємо, ми не лишаємо один одного. Жодна людина не піде з офісу, ми будемо до ранку складати ті всі папочки разом. І це круто, коли ти можеш розраховувати на своїх колег. І вони тобі більше не колеги, а навіть друзі.

🧩 Буває, що до центра приходять людина і говорять, що вона нічого не вміє. Але я не вірю, що людина, яка вчить-ся, нічого не вміє.

— Ви спілкуєтесь з однолітками — розвивається комунікативність. Організовуєте щось — у вас є організаторські здібності. Це досвід, це те, що можна писати в резюме, це те, про що треба говорити. І ми хочемо допомагати людині, яка вже закінчила навчання, знайти свою нішу, свій проект і рости.

🧩 Під час вступу до вузу людина може сама не остаточно розуміти, чим справді хоче займатися. А часом навіть не сама обирає напрям, а підлаштовується під умови. І зараз це серйозна проблема.

— Якщо взяти офіційні статистики по навчальним закладам, то всі випускники працевлаштовані. Коли ви на четвертому курсі, перед видачею диплома у вас запитують: «А де твій досвід працевлаштування?». І виходить замкнуте коло. Для того, щоб підвищити свій рейтинг, ВНЗ дає дані, що всі випускники працевлаштовані, тому що батьки звертають на це увагу, коли відають туди свою дитину. Наприклад, скажемо, що Києво-Могилянська академія влаштувала 100% своїх випускників на керівні посади. А НАУ працевлаштовує лише половину. Але ми не беремо до уваги, скільки студентів навчається: у Могилянці близько трьох тисяч, а у НАУ близько тридцяти тисяч. Співвідношення, так? Куди працев-

лаштувати три тисячі, і куди тридцять. У першу чергу треба розібратися з тим, що ми не прогнозуємо, які професії будуть актуальними через десять років. Можливо, варто на якісь напрямки на певний період закривати вступ, профільтовувати. Наприклад, ми випустили занадто багато економістів — 5 років ми їх не готуємо. Потім знову повертаємося. Щоб систему можна було диференціювати. Якщо брати інженерію, будівничі професії — у нас ніхто про них не знає. Узагалі, проблема у тому, що школа не розповідає, чим буде займатися людина на своєму робочому місці. Усе, що діти знають про професії, вони беруть з телебачення, з Інтернету. І потім думають, що юрист — це лише виступи у суді — геніальні, драматичні,

театральні — то насправді, це кропітка робота у першу чергу з документами, і досить складна. Про це їм не кажуть. Ми підходимо комплексно. Це не лише тестування, у нас немає мети написати усім тисячам молодих людей у Києві, що вони неправильно обрали професію. Ми намагаємося зрозуміти, які здібності, де можна переорієнтуватися. Якщо людина вже обрала юридичний напрям, треба зрозуміти, які нахили у ній є — чи захищати і бути адвокатом, чи, наприклад, навпаки звинувачувати і бути прокурором. Це теж важливо. Або у нас була ще ситуація у педагогічному університеті, коли за тестами виявилось, що студенти не люблять дітей. Тоді їм, можливо, краще бути методистами або науковцями, але аж ніяк не працювати з дітьми.

За допомогою примусу важко чогось добитися, як би не вважали ті, хто притримуються «класичних поглядів» на освіту. Тому, на думку Анни, подібні заходи краще проводити на неформальному рівні.

— Я думаю, що це не мусить бути формальним сто процентів. Не треба нікого ніколи змушувати. Якщо не лежить душа — то не треба. Тому варто заохочувати і вказувати, які будуть переваги. Наша школа і так перенасичена ін-

формацією. Наскільки мені відомо, уже є зрушення, і у Києві є школа, де дітей учать саме знаходити інформацію, думати, аналізувати. Не лише зазубрювати. Тому що інформації зараз дуже багато, але треба уміти її шукати. І розуміти, що з нею потім робити далі.

Часом є ідеї, хочеться працювати, але як — невідомо. З чого починати? Як знайти команду? Як далі розвивати проект? Для когось ці питання можуть так і залишитися без відповіді. Тому Анна почала займатися мотиваційним лідерством.

— Ми працюємо з багатьма громадськими організаціями, де молоді люди хочуть щось зробити, але не знають, як зібрати коло себе однодумців. Тому варто їм пояснити, їх навчити, як вести за собою. Тому що чим більше їх буде, молодих, амбітних, здатних не лише бути реалізаторами чієїсь ідей, а й продукувати власні, тим свідоміше вони будуть ставитися до свого життя і брати відповідальність за свої вчинки.

Скільки людей — стільки і поглядів. Тому іноді соціальна робота змушує вчитися лавирувати між різними думками.

— Ми, як платформа. З одного боку, приходять молоді люди, які кажуть, що хочуть і те, і те, і те! А з іншого боку є ряд чиновників, наприклад, які кажуть, що ні, це погано. Тому задача центру, у першу чергу, перекласти на зрозумілу мову те, що хоче молодь від чиновників, а далі — пропозиції чиновників для молоді. Тому у нас така своєрідна комунікаційна платформа. Ось це складно. У першу чергу, бути об'єктивними і не приймати нічию сторону. Якщо ми станемо одразу, наприклад, на сторону молоді і будемо казати, що дуже класний проект, і не розберемося з тим, що воно дасть, то він відразу розіб'ється при подачі на розгляд. А якщо ми станемо на бік чиновників, то ми просто будемо закриті, і до нас не будуть приходити. Тому для нас важливо знаходити якісь компроміси.

 Проте Анна не обмежується роботою лише з профорієнтацією чи реалізацією проектів. Багато уваги вона також приділяє проблемі ВІЛ/СНІДу.

— Це, мабуть, для мене близька тема ще зі школи, тому що основна тема програми «Рівний рівному» пов'язана з ВІЛ/СНІДом. І мені дуже хотілося розвивати її тут, у Києві.

 Я ще пам'ятаю, як у класі сьомому нас лякали, що з ВІЛ-позитивними людьми небезпечно навіть спілкуватися, мало не у скафандрі треба ходити.

— Але згодом розумієш, що чим більше ти знаєш про це, тим краще ти можеш забезпечити себе і допомогти людям, які з цим живуть.

Важливо показувати приклади, тому що інакше люди думають, що це якісь міфічні ситуації, які ми просто моделюємо. А тут є живі приклади, живі люди. Яких ви знаєте, з якими ви спілкуєтесь. І якщо ви не відчуваєте різниці, треба пояснювати іншим, що її немає. І взагалі люди найбільше сприймають інформацію саме ту, яку вони переживають. Тобто варто їх заохочувати брати участь у цих заходах.

 Робота з ВІЛ-позитивними людьми може бути досить специфічною. Анна вважає, що найважливіше у цьому – бути поруч.

— Не потрібно їх відмежовувати, у першу чергу. І людям зазвичай простіше відмежуватися, зробити вигляд, що цього немає.

 От якщо не помічати, то у нас наче немає хворих, немає злочинності, немає ВІЛ-позитивних, нікого немає. Усе добре.

Ми самі по собі, а всі інші самі по собі. Так неправильно. Людям страшно, бо вони не знають. Будь-яка тема, яка потребує додаткового вивчення, є непростю. Тому ми почали інформувати, проводити спільні заходи. Минулого року ми разом з Тінерджайзер започаткували серію тренінгів у школах і вищих навчальних закладах. Наскільки мені відомо, учасники між собою навіть дружать. Тобто важливо показати, що різниці немає. У першу чергу, коли ми говоримо про якусь категорію людей, ми ніколи їх не виокремлюємо.

 Чим більше ми будемо створювати якісь спеціальні умови, тим насправді ми більше будемо їх відмежовувати, відокремлюватися від них.

 Через десять років Анна бачить центр місцем, де молода людина змогла б знайти відповідь майже

на будь-яке питання. І щоб вони знали, куди йти.

— У першу чергу, мені хочеться, щоб молодіжний центр зібрав навколо себе усю молодь Києва. Щоб вони про нас знали і могли звернутися з будь-якою проблемою. Чи це працевлаштування, чи профорієнтація, чи здоров'я. І питання молоді сім'ї, що це таке взагалі. І питання житла для молоді. І навчання. Тобто всі ці основні питання, з якими щодня стикається молода людина, я хочу, щоб вона знайшла відповіді у нас у центрі. Зараз ми налагоджуємо контакти з усіма департаментами. Так чи інакше, у будь-якому питанні є особлива категорія людей — молодь. Якщо ми говоримо, наприклад, про донорство в Україні, то варто звернути увагу на молодь. Якщо ми говоримо про питання житла, то варто звернути увагу на молодь. Якщо ми говоримо про працевлаштування, то особлива категорія — це молоді спеціалісти. Тобто будь-яке питання треба сприймати через призму молоді.

 Тому що наше майбутнє — це не те, що буде колись, а це саме ті молоді люди, які зараз

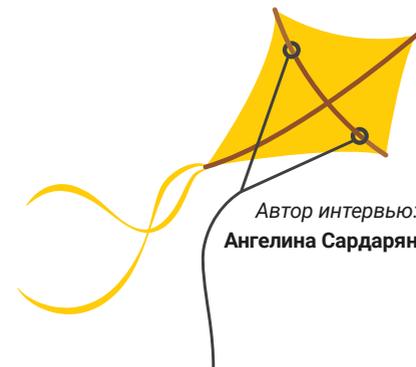
шукають себе. І від того, як ми їх виховуємо, залежить те, що буде далі.

 Неспівпадання бажань та можливостей — вічна проблема. Проте навіть у такому випадку можна знайти вихід.

— Перше, що ми ставимо собі за мету — це налагодити взаємодію між різними організаціями. Щоб ми продуктивніше вирішували проблему. У нас, наприклад, у державі є молодіжна політика, яку реалізують структури міської влади. І є громадські організації, які теж реалізують молодіжну політику, але свою. І це проблема. В урядових організацій є ресурси, тому що вони взаємодіють з державою. А у громадських організацій є ідеї, і вони постійно знаходяться у пошуку ресурсів. Наша задача — об'єднати ці два вектори для того, щоб одні давали ресурси, інші — ідеї. Але як показує практика, дуже часто виникає різне бачення, що треба робити. Тому треба знаходити консенсус якийсь.

 Наостанок Анна радить молоді не боятися своїх мрій.

— Я не хочу сказати банально, але всі видатні люди починали з того, що пробували. Якщо вони мають якусь ідею, то у першу чергу треба починати її втілювати. Не носитися з цією ідеєю. Не боятися її. А починати щось робити. Бути безстрашними. Варто прислухатися, але останнє рішення має бути за вами. Це ваш шлях, ваш досвід. А досвід набувається по-різному. Можна падати, але треба підніматися, обтрушуватися — і вперед. Після ста падінь обов'язково буде підйом. Важливе не тільки розуміння, а й підтримка. Якщо ваші батьки скажуть, що це щось таке смішне, але ми з тобою — їм треба сказати велике спасибі, з такими людьми треба йти далі. А якщо ні — шукайте тих, хто скаже. Обов'язково такі є.

Автор інтерв'ю:
Ангелина Сардарян

TEENERGIZER!

Interview book